

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №2 (9), февраль 2012 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>
Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

Сотрудничество

**Виктор
Тихомиров-Тихвинский**

Член Канадского отделения Международной Ассоциации писателей и публицистов, редактор отдела поэзии журнала «Невский альманах», заместитель редактора Санкт-Петербургского городского литературно-художественного журнала «Бег», главный редактор журнала «Русский писатель».

Занимался в семинаре Юрия Кузнецова и Вадима Кожинова. Участник Совещания молодых писателей России в 1996 году. Председатель жюри Российского литературного конкурса имени Вячеслава Кузнецова и др. Член ВАНИК и АРСИИ.

Автор 14 книг прозы и поэзии. Кавалер Золотой Пушкинской медали «За сохранение традиций в русской литературе» и др. В Союзе писателей не состоит.

Издержки января

Не говорил я, что дела так плохи
И не твердил: ложись да помирай.
Ведь мой удел - удел самой Эпохи
Творить добро для тех, кто рухнул в рай.

И может быть - мятежное искусство
Входить в чужие мысли втихаря -
Нет, не порыв, не пламенное чувство,
А бурные издержки января.

Пусть от зимы останутся надежды,
Что грянет свет, что включится тепло...
Снуют вокруг культурные невежды,
В наш чёрный город коих занесло.

А рядом я, в плену житейской веры
Живу как все, но позабыв про всех...
И плачут, плачут горько лицемеры,
Но мне так явно слышится их смех.

Тяжесть поколений

Трава не кошена. Кресты
С дороги видимы едва ли.
Здесь раньше ангелы летали
У коих помыслы чисты.
Который год душа болит,
Когда родные люди снятся.
Им не хватает сил подняться
Ко мне из-под могильных плит.
Не в силах чем-либо помочь
Иду я вновь по кромке ада.
Мне ничего уже не надо.
Равны теперь и день, и ночь...
Подгнивший крест упал почти,
Как будто рухнул на колени:
Видать, он тяжесть поколений
Не в силах более нести.

Думаю о хлебе

Мою судьбу листает время.
И очень трудно угадать,
Какой же личности на темя
Ложится божья благодать?
Завидев шиферные крыши
Своей деревни, всякий раз
Я ощущаю: солнце дышит
В мои глаза из Божьих глаз.
И там, где тучи плачут в небе,
Меня не ждите - не приду!
Я нынче думаю о хлебе
И забываю про еду.

«Дорогие друзья!

Искренне приветствую выход в свет нового городского журнала, который поставил своей целью возрождение традиций высокой культуры, нравственности, которыми всегда отличались ленинградцы-петербуржцы.

Название журнала «БЕГ» сложилось из замечательного сочетания слов «Безопасный город». Уверена, что идеология, которую намерено проводить новое издание, является одной из важнейших составляющих современной жизни города, а значит, журнал будет любим и востребован горожанами.

От души желаю журналу больших творческих успехов и преданных читателей».

В. И. Матвиенко
Губернатор
Санкт-Петербурга

КРОВАВАЯ СЛЕЗА

Пусть тьма и свет
в кладбищенской тиши,
Как два врага сойдутся в рукопашной...
Я видел тень рыдающей души,
И в этот миг мне было очень страшно.

Я прикрывал ладонями глаза.
Казалось, вот, пришла она, расплата:
На мой портрет кровавая слеза
Скатилась по надгробию заката.

Вновь развели небесные мосты.
Луна в пространство вырвалась
из бездны.

Молились за бессмертие кресты,
Но были все молитвы бесполезны.

...А пьяный дед - служитель этих мест,
Беспечно спал, заваленный венками.
С моей могилы полусгнивший крест
Погладил деда тёплыми руками.

Не шутите о печальном

Не шутите о печальном
В час, когда печаль грызёт.
В ресторане привокзальном
Я напьюсь, коль повезёт.
И тогда тоску-кручину
Отгоню и плюну вслед...
Бед своих ищу причину,
А причины вовсе нет.
Потому, как будто школьник,
Доверяясь сентябрю,
Постою у колоколни,
Крикну "Здравствуй!" звонарю.
И над Тихвинкой- рекою
Вдоль туманных берегов
Поплывёт вслед за волною
Перепев колоколов..

Господь спасёт

Я от ушей случайных скрою,
Укрывшись в доме, как всегда,
Что над моею головою
Стоит не женщина - беда.
Меня учили педагоги
Всех в мире женщин уважать,
Но мне из тихвинской берлоги
Одни лишь слёзы их видать.
А люди бдят. Они не трутни:
Варганят щи, грехи плодят.
И если мир однажды рухнет-
Они и мир, как щи, съедят!
Придёт Господь. Откроет двери
И речь свою произнесёт...
Страна очнётся, не поверит,
Что Бог пришёл, что Бог спасёт!

Василий Бутов

Родился в селе Зелёная Балка Тельманского района Карагандинской области 20 сентября 1955 года. В 1961 году переехал на родину родителей в с.Черкассы Липецкой обл., где и окончил школу - восьмилетку. После учёбы в Усманском кредитно - финансовом техникуме трудился в Ельце бухгалтером. С 1977 жил в Ташкенте, работал старшим бухгалтером в Промстрое, затем - в Государственном Академическом Большом театре Узбекской ССР им. Навои. В 1980 году вернулся в Черкассы. Публиковался в местной печати, в областных газетах, в журнале «Родники липецкие». В 2005 году увидели свет индивидуальные поэтические сборники: «Дыханье уходящих дней» и «Седых берёз свеченье». В 2007 г. вышла прозаическая повесть: «В степи под Ельцом». В 2010 - поэтический сборник «И душа растворится в печалах», книги прозы «Ждать и надеяться» и «Село, мой край, судьба моя». Член Липецкого отделения Союза писателей России.

***
У трёх дорог, среди полей -
Деревня русская... А в ней
На тихой улице, темна,
Церквушка старая видна.

В пустых окошках и дверях
Блуждает время... небель... страх...
Чернеет купол. Высота.
И - ни иконы, ни креста.

***
Написать бы музыку дождя
С теплотой и нежностью высокой,
Чтоб она в душе твоей глубокой
Прозвучала, грустью исходя...

Написать бы музыку дождя
С неизбывной верой и участием,
Чтобы ты вздохнула
в час ненастный,
Из моих раздумий уходя...

***
Поздний вечер. Тись седея.
В речке - неба бирюза.
Над подлеском золотая
Собирается гроза.

Нет земле конца и края.
Избы, избы - полем, в ряд.
Глянeshь вправо - даль сквозная,
Влево - бор, дорога, сад.

Осень! Ах, какая осень!
От росы белым - бела.
Всё сожгла, да только сосен
Не коснулась - сберегла.

***
Октябрь. И стынет синева.
И тянет прелью с косогора.
И долгой памяти трава
Ведёт по сумрачным угорам.

И вот луга, и холм, и гать,
И взгляд девочки тих и светел.
Увы! Я не сумел понять
Любви счастливые рассветы.

Ушёл один в туман и тишь
Тропой глухой и неприметной.
И только выцветший камыш
Глядел вослед, под вздохи ветра.

...И вот зима. С меж ветла
К плечу склонилась оробело.
И по вискам моим, светла,
Заря неуловимо - мелом...

***
Тревожно скрипнула калитка.
Прильнул к окошку: никого!
Луна округлым белым слитком
Висит над рамочной дугой.

Размыта ночь. Размыты грани
Стожков, придвинутых к меже.
И сердце теплит и туманит
Костёр на дальнем рубеже.

И понимаешь: в долгой стыни
Мир замкнут прочерком дорог.
Он - необъятен. Он - всемогущ
И безнадежно одинок.

***
Земля равнинная.
В низине
Дома, деревья - на ветрах.
Ах, сколько белизны и сини
В недавно выпавших снегах.

Куда ни глянь - надёжно, строго
Укрыли пашни и луга.
За большаком светла дорога.
Чисты речные берега.

Судьбой даровано от века
Мне любоваться средь полей
И белизной, и синью снега,
И тихой Родиной моей.

Гость номера

Воспоминания о В.Я. Дворжецком

На Руси часто услышишь выражение – по велению судьбы! Так это или не так – судить каждому. Но то, что омское драматическое искусство давным-давно вышло за рамки провинциального – это точно. Омской драме судьба дарилась отличных режиссеров, художников, актеров и даже директоров. Когда-то уважаемый в городе, любимый театром директор Мигдат Нурдинович Ханжаров писал: «Омский академический театр драмы является в равной степени как актерским, так и режиссерским. Не одно поколение прекрасных актеров и режиссеров подтвердило это своими Судьбами». С этим невозможно не согласиться. Я помню впечатления, каждой своей возрастной поры, о многих спектаклях театра и его актерах.

Одним из очень ярких актеров, которому в этом году исполнилось бы 112 лет – Вацлав Янович Дворжецкий. Актер, как часто говорят, «Божьей милостью!». Высокий, стройный, красивый, разный во всех спектаклях, даже до внешней неузнаваемости! Хорошо помню, что я его не узнала в «Коварстве и любви» Шиллера, где он играл Вурма. Наверное, в году 1952 (1953) меня папа познакомил с Дворжецким. Мы встретились с ним около театра. Вацлав Янович возвращался с парусной регаты, был в белом костюме, на голове белый берет с якорем – настоящий яхтсмен! Очень нежно мне, девочке, пожал руку и стал нам с папой рассказывать про свои плавания по Иртышу.

Я уже знала, что он лихо по городу гонял на мотоцикле, а оказывается, еще и занимался парусным спортом! Не только прекрасный актер, а еще и смельчак, и романтик – подумала я тогда. Чтобы написать небольшой очерк о Дворжецком, я обратилась к Светлане Васильевне Яневской (завлит театра в 1965-1973 гг.), заслуженному работнику культуры России, в настоящее время зав. музеем театра и прекрасной писательнице, которая написала много книг об актерах наших театров.

Из книги-альбома «Омский драматический. От истоков» (Омск, 2004), издание которого было подготовлено к 130-летию театра, вот что я узнала из биографии Дворжецкого.

Вацлав Янович Дворжецкий (3.08.1910-12.04.1993) – актер театра и кино, режиссер, народный артист России (1991). Родился в Киеве в семье потомственных дворян. Будучи студентом политехнического института, в 1929 году окончил театральную студию при польском театре в Киеве. Как участник кружка «ГОЛ» (группа освобождения личности) был осужден и с 1929 г. по 1937 г. находился в лагерях на строительстве железной дороги Пинюга-Сыктывкар, Беломорско-Балтийского канала, Туломской гидроэлектростанции, рудниках Вайгач. В книге «Пути больших этапов», вышедшей в Нижнем Новгороде уже после смерти в 1994 году, Вацлав Янович рассказывает о своих скитаниях, о мире лагерей, изоляторов. В самых жутких условиях его актерская природа, творчество помогали выжить и оставаться человеком.

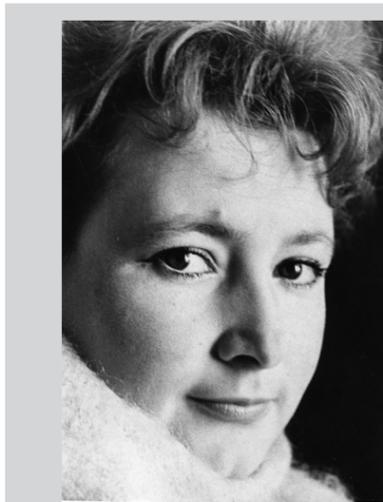
Его сценическая биография началась в лагерьном театре, а продолжалась после освобождения в Омском ТЮЗе, где он работал актером и режиссером, затем в Таганрогском драматическом театре.

В сентябре 1941 г. художественный руководитель Омского областного драматического театра Л.С. Самборская приглашает Дворжецкого в труппу. Здесь он работает до декабря 1941 года. Его первая роль в Омском театре – Севастьянов в спектакле «Парень из нашего города» К.Симонова. В декабре 1941 года за нарушение паспортного режима и «пораженческие настроения» вновь арестован. В ОЛП-2, лагере под Омском, он организовал концертную бригаду и стал заниматься любимым делом в неволе. Его звали в лагере «Дядя Клим» (по концертному номеру). «Дядя Клим» был не только популярным актером, но и защитником, символом справедливости.

В декабре 1945 года, после второго своего освобождения, Дворжецкий вернулся в

Омский драматический театр и до 1955 года был ведущим актером. Самые значительные роли: Вронский и Каренин в спектакле «Анна Каренина» по роману Л.Н. Толстого,

Чацкий в «Горе от ума» А.С. Грибоедова, Харди – «Русский вопрос» К. Симонова, Рошин – «Родина» по роману А.Н. Толстого «Хождение по мукам», Великатов – «Таланты и поклонники» А.Н. Островского, Владимир

Далматова Алла

Фамилия врачей Далматовых известна омичам и произносится с неизменным уважением.

Алла Михайловна Далматова из этой медицинской династии, а врачебные династии-это постоянно действующие семинары или конференции, и постоянное общение с медиками. Семейные традиции привели её на лечебный факультет Омского медицинского института.

Окончив его, она вот уже более полвека работает в Омском медицинском колледже минздрава. Отличник здравоохранения, член Совета коренных омичей, председатель клуба Совета ветеранов колледжа. Волею судьбы, став педагогом, не только преподаёт свою любимую микробиологию, но и воспитывает молодых людей в лучших традициях отечественной медицины. Её любовь к театру, музыке, к лучшим образцам отечественной и зарубежной литературы помогают трудиться и восхищаться жизнью.

– «Дубровский» по повести А.С. Пушкина и много других.

Дворжецкий поражал игрой психологических контрастов. После Омска работал в драматических театрах Саратова, Нижнего Новгорода, в Московском театре «Современник».

С 1965 года снимался в кино, сыграл около 90 ролей. Наиболее крупные: «Щит и меч», «Красное и черное», «Любовины», «Забывшая мелодия для флейты», «Где-то плачет иволга», «Успех», «Вы чье старичье». В 1991 году ему присвоили звание «Народный артист РСФСР», а в 1992 году В.Я. Дворжецкий был реабилитирован.

Да, лихого времени на Руси было в достатке. На долю Вацлава Яновича пришлось такое, что в страшном сне не приснится. Но репрессии не сломили его. Талантливый человек остается талантливым во всем, и круг интересов Вацлава Яновича был настолько широк, что удивляешься, как его на все хватало. Например: загоревшись парусом, решил сам построить судно. Не просто лодочку, а катамаран. Для этого надо было изучить соответствующую литературу, разработать чертежи. Строил в мастерских театра. Отработав свое, эта лодка перестала его удовлетворять, и он покупает настоящую яхту, только в неходовом состоянии и доводит ее до отличного. Своим участием в спортивной жизни небольшого тогда коллектива парусников Омска заслуживает их уважение, избирается председателем городской федерации парусного спорта. В 1953 году В.Я. Дворжецкий получает удостоверение яхтсмана, выданного Омским городским отделом по физической культуре и спорту, а в 1954 году ему присвоили звание яхтенного капитана речного плавания.

В г. Горьком он увлекся подводным плаванием и стал инструктором для начинающих пловцов. А парус с яхты, который он увез из Омска в г. Горький, ему пригодился для очень благих целей. Как все-таки пересекаются судьбы известных и почитаемых людей! Когда Нижегородское отделение «Мемориал» отдавало дань уважения памяти академика А.Д. Сахарова, местным художникам потребовался холст для портрета Андрея Дмитриевича, и Вацлав Янович отдал свой парус, решив, что лучшего применения ему не найти. В театре Драмы есть такая традиция: в торжественные дни поднимать тост, он называется 17-й тост – «за Омский драматический». А сегодня мне, как Почетному зрителю Академического театра драмы, позвольте: «И за память – Народного артиста России Вацлава Яновича Дворжецкого».

Алла ДАЛМАТОВА

Русский вольтерьянец и «царская водка»

*Торжество разума
в том и состоит, чтобы
уживаться с людьми,
не имеющими его.
Вольтер*

О чем думал Александр Радищев, глядя на бескрайние заснеженные поля Сибири? Путь до Илимского острога был холоден и бесконечен, как и его заледеневшие душа и мысли. Что виделось ему? Пажеский корпус, служба в Сенате или череда прелестниц, завороженных его прекрасными карими глазами? А, может быть, ужас другого путешествия, за описание которого он сейчас так страшно расплачивается?

И невольно возникали страдальческие рифмы, под завывание степного ветра и метель, бьющую в окно арестантской кибитки.

Ты хочешь знать: кто я?

Что я? Куда я еду?

Я то же, что и был,

и буду весь мой век:

Не скот, не дерево,

не раб, но человек!

Дорогу проложить,

где не бывало следу,

Для борзых смельчаков

и в прозе и в стихах.

Чувствительным сердцам

и истине я в страх

В острог Илимский еду.

Да, матушка – государыня Императрица Екатерина II постаралась до конца рассчитаться с распространителем «французской заразы» – идеями французских энциклопедистов, хотя и состояла в обстоятельной эпистолярной переписке с Вольтером. Его знаменитый афоризм: «Благими намерениями устлана дорога в ад», как нельзя соответствует ситуации Пугачевского бунта и ада, творимого его разбойниками. А все ведь началось с благих попыток Екатерины внедрить идеи французских просветителей в русское общество.

Да не случилось. А случился «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», поставивший на грань краха царствование «сиятельной императрицы». А Радищев – «этот бунтовщик хуже Пугачева» посмел в своем памфлете обвинить матушку во всех смертных грехах и поставить под сомнение смысл ее царствования!

Да и сам эпиграф к возмутительной книге не мог не вызвать гнева императрицы. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя» – этот эпиграф был выбран Радищевым не случайно. В песне XVIII поэмы В.К.Тредиаковского «Телемахида» описано посещение героем поэмы Телемаком подземного царства Тартар, где подвергаются в наказание за свои злодеяния адским мучениям цари «употреблявшие во зло свое на престолах могущество...».

Цари эти были гнуснее и страшнее, чем самые страшные чудовища мифологии, страшнее, чем адский пес Цербер – толстый, круглый (облы), озорной (большой), огромный, с трезвонной (три пасти) и лайя (лающее).

Именно это адское чудовище Радищев использовал как аллегорическое олицетворение царизма и даже усилил образ «чудища», снабдив его вместо трех – ста пастьями. Схожий образ несколько раз используется Радищевым в самом «Путешествии» (например, в главе «Хотил»: «стоглавое чудовище» – о крепостном рабстве; в оде «Вольность»: «И се чудовище ужасно, как гидра сто имея глав...» – о церкви), «Спаская Полесь» – злая уничтожающая критика царствования Екатерины II.

Как могла императрица и, прежде всего женщина, спокойно снести сравнение с толстой, злобной лающей собакой?

«Тщеславие доводило Екатерину, от природы умную женщину, до умопомрачения, делавшего ее игрушкой в руках ловких и даже глупых льстецов, умевших пользоваться ее слабостями», – пишет В.О. Ключевский, – «и она не приказывала выталкивать из своего кабинета министра, в глаза говорившего ей, что она премудрее самого господина Бога».

Расплата не замедлила явиться – 30 июня 1790 года за напечатание книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Сама же императрица писала в своих заметках на книге: «Сочинитель сей книги наполнен и заражен французскими заблуждениями, всячески ищет умалить почтение к власти».

На суде 24/VI – 1790 г. Радищев был психологически сломлен, он отрекся от своей книги, признал себя «преступным», а книгу «пагубной, наполненной гнусными, дерзкими и развратными выражениями», и что написал он ее «по сумасшествию».

Тем не менее, уголовный суд приговорил Радищева к смертной казни посредством отсечения головы. Екатерина, непонятно чем побуждаемая, но, изыскивая глупейший повод, 4 сентября издала именной Указ Сенату: «Ввиду мира со Швецией, заменить казнь Радищева десятилетней ссылкой в Илимский острог».

Что же предшествовало отречению Радищева от своего программного труда?

Да, видимо, то, что двигало несгибаемых большевиков-ленинцев Тухачевского, Уборевича, Якира на следствии 1937 года оговорить себя в связях с иностранными разведками – страх, страх за свою жизнь, заканчивающуюся в немислимых мучениях, за жизнь своих близких.

Двумястами годами раньше Радищев тоже перенес ужас заточения в Петропавловскую крепость, но не самого по себе этого факта, а факта попадания в полную власть обер-секретаря тайной экспедиции С.И. Шешковского. Этот мозглявый старик с женоподобным, похожим на пухлый блин, безбровым лицом, на тонкой шее, бугристым лбом, наливающимся в гнев кровью, навел ужас на подсудимых, а особенно его толстая палка, намеренно выставленная в углу на показ, которой Шешковский одним ударом выбивал у заключенных все зубы.

И хотя к Радищеву в крепости никаких «пристрастных методов допроса» не применялось, но одно сознание того, что они в любой момент могут быть применены, повергало его в ужас и уныние. Ведь за 15 лет до этого «знатный кнутобоец», которому, по-видимому, не давали покоя лавры его далекого предшественника Малоты Скуратова, жег, резал и вздергивал на дыбу «разбойника» Пугачева, и Радищев знал об этом. Он, почти ежедневно в течение 2-х недель приводимый на допросы к Шешковскому, видел эту сучковатую палицу, стоящую в углу допросной комнаты, с ужасом ожидая, что она в любой момент может быть пущена в ход.

В каком же трагическом состоянии находилась душа Радищева свидетельствует его письмо, написанное в крепости: «Тело и душа изнемогают начинают, надежда, сие усладительное чувство, надежда видеть мое плачевное семейство начинает постепенно исчезать в томном сердце и уже исчезла. Я чувствую, я один».

Продолжение на сл. странице

Такой мощный психологический гнет заставил этого душевно-мягкого человека, с задумчивым взглядом темных пронизательных глаз под удивленно выгнутыми бровями, человека нрава прямого и пылкого, умевшего сносить горести со стоической твердостью, чуждого лести, непоколебимого в дружбе и не помнящего зла, отречься от своего труда.

Сорок три дня провел он в крепости, ожидая казни, и в минуты отчаяния грыз свою серебряную ложку – на ней остались следы зубов.

При объявлении Радищеву приговора он потерял сознание, и окружающие увидели, как мгновенно его голова стала белой.

Но вернемся на несколько десятилетий назад.

Сын богатого помещика, бывший паж, получивший по воле императрицы высшее образование в Лейпцигском университете, Радищев пренебрег служебным положением, благополучием и карьерой, явно не оправдав надежд, которые возлагал на него двор.

Прослужив недолго в Сенате, затем – в годы восстания Пугачева – в штабе Финляндской дивизии и, выйдя в 1775 году в отставку в чине секунд-майора, он в 1777 г. поступил ассессором на службу в Коммерц-коллегию, а в 1790 г. был назначен управляющим Петербургской таможенной. В период 1783-90гг. длившийся 7 лет, началу которому послужила смерть горячо любимой жены А.В. Рубановской, Радищев пережил глубокое душевное потрясение, это состояние нашло свое отражение в стихотворении «Эпитафия».

**О! если то не ложно, что мы по смерти будем жить;
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни, в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня; умру и горести забуду.
В объятиях твоих я паки счастлив буду,
Но если ж то мечте, что сердцу льстит маня
И ненавистный рок отъял тебя навеки
Тогда отрады нет, да льются слезы реки...
Тронись, любезная! Стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятиях твоих чад;
Не можешь, коль пройти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утеси тем супруга.**

«Смерть жены моей погрузила меня в печаль и уныние и на время отвлекла разум мой от всякого упражнения», - вспоминает он семь лет спустя.

С этого времени мысли о смерти постоянно звучат в творчестве Радищева.

В «Путешествии» он пишет фактически программное заявление:

«... Если добродетели твоей убежища на земле не останется, если доведена до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда вспомни, что ты человек, вспомни величество твое, восхити венец блаженства, его же объяти у тебя тещется – умри».

Тогда же у Радищева впервые появляются приступы какой-то болезни, преследующие его вплоть до смерти и сопровождающиеся пульсирующей головной болью, бледностью или покраснением лица, усиленным потоотделением, чувством дурноты, тошнотой.

Душевное состояние Радищева не могло быть незамеченным со стороны. Его друг и шеф граф А.Р. Воронцов в письме к своему брату Семену, русскому посланнику в Лондоне, с грустью писал: «... Я только что потерял, правда, в гражданском смысле, человека (Радищева – курс.мой В.Г.) пользовавшегося уважением двора и обладавшего наилучшими способностями для государственной службы... Кроме того он исключительно замкнут последние семь или восемь лет».

Возможно, что личное горе заставило Радищева замкнуться и в полной отрешенности от всего написать дерзновенную, вольнолюбивую и человечную книгу. Не было ли это проявлением некоей жизненной миссии, воплощаемой даже при условии, если ценой его подвигу будет жизнь?

Странно, что никто, кроме Г. Шторма, не обратил внимание на строки в конце второй главы «Путешествия»: «Отче всеблагий, неужели отвориши взоры свои от скончающегося бедственное житие свое мужественно. Тебе, источнику всех благ принесится сия жертва», - восклицает Путешественник, сие Радищев. Значит, Александр Николаевич предвидел ужасную расплату за свой труд, но, тем не менее, принес себя в жертву призрачным идеалам.

Но далеко не всем пришла в душу книга Радищева. Даже через 34 года после смерти писателя в 1836 году наш великий А.Пушкин пишет уничтожающий биографический очерк об авторе «Путешествия». Среди современников Пушкина ходили слухи, что этот очерк был заказным, в целях возродить к жизни имя Радищева, которое находилось под запретом.

Может быть и так, но какой ценой?

Неужели и здесь, топчась на могиле писателя, следовало провозгласить, что цель оправдывает средства?

А.С. Пушкин считает книгу Радищева преступлением, это действие сумасшедшего: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться против общего порядка, против самодержавия, против Екатерины!» И далее Пушкин пишет, что Радищев один, что у него нет ни товарищей, ни соумышленников, в случае неуспеха он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону.

По словам А. Пушкина: «Радищев - сочинитель посредственной книги, написанной варварским слогом жеманной, надутой, чрезвычайно смешной, набитой пошлостями: сочинитель, в котором отразилась вся французская философия его века, но так, как предметы в кривом зеркале; представитель полупросвещения, с невежественным презрением ко всему прошедшему, с поверхностными сведениями наобум, приуроченных по всему».

Жестоко, очень жестоко раскритиковал Радищева наш любимый поэт, фактически сбросив с пьедестала великого «вольтерьянца», хотя, как писал Пушкин, «мы никогда его великим не считали».

Иное мнение было у современников Радищева – его учеников и последователей. Иван Пнин написал стихи на смерть Радищева, в которых он выразил безмерную скорбь: «Уста, что истину вещали, увь, навеки замолчали, и пламенный ума погас».

Иван Борн в открытом заседании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» прочел свои стихи и статью, посвященные памяти Радищева, в которых заявлял, что Радищев был «страдальцем правды» и утверждал, что в России «пьют патриоты смерти чашу», намекая на самоубийство писателя.

Может быть, нам, воспитанникам советской эпохи, нужно иногда критически оценивать творчество великих, срывая с них, навешенные коммунистической пропагандой ярлыки?

Ну, вот опять случилась так, что В.Ульянов (Ленин) в статье «О национальной гордости великороссов» причислил А.Н. Радищева к числу первых революционеров наряду с декабристами и революционерами-разночинцами 70-х годов XIX века, а Луначарский назвал Радищева «пророком и предтечей революции». Коммунистическая идеология во всю старалась наделять Радищева демонической сверхреволюционностью, жадной разрушения старого мира лютот ненавистью к поработителям народа. Но это в действительности далеко не так. Александр Николаевич был противоречивым человеком. Можно сказать, что он был первым диссидентом, прямо пошедшим против существующего строя.

Думаю, что А.Пушкин в той же статье высказал несправедливое суждение о том, что влияние Радищева было ничтожно, что все прочли его книгу и забыли ее. «Благодарные мысли и благонамеренные предложения, изложенные в книге, принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в положениях, и нет истины, где нет любви», - так заканчивается статья.

Вернемся теперь к началу нашего повествования.

3 января 1792 г. А.Радищев прибывает в Илимск. Здесь он провел пять с половиной лет. Ведет активную жизнь – занимается врачебной практикой, делает операции, вводит оспопрививание. Написал философский трактат «Письма о китайском торге», и историко-биографический очерк «Слово о Ермаке». Освобожденный по указу Павла I из Илимской ссылки в 1796 г., Радищев возвращается в Россию к месту положенного ему проживания в родовое имение Немцово Калужской губернии.

По дороге домой в Тобольске 7 апреля 1797 умирает от пневмонии вторая жена (свояченица) Радищева Елизавета Рубановская.

Мать его троих детей и друг умирала тяжело, на глазах мужа, без надлежащего врачебного действия.

Физически и душевно измученный, находясь под тайным надзором полиции, Радищев так описывает свою жизнь того периода (письмо к А.Р. Воронцову 21 сентября 1797 года):

«... Согласитесь, что человек смешное, очень странное существо, он плачет утром, смеется вечером, хотя в положении его ничто не изменилось; иногда он и с места не сдвинулся, а сидит в своем кресле в колпаке и ночных туфлях. Да я был таков, каким только, что изобразил себя, плакал утром и смеялся вечером, как безумец, а меж тем я уже не смеялся – я разумею от веселия сердца – с Тобольска, со времени разлучения с моей доброй подругой, хотя я имею все основания на свете быть более веселым вследствие благодати нашего всемиростивейшего императора».

И далее в письме от 8 марта 1799 года Радищев так себя характеризует:

«Я весьма странное существо. Возвращенный домой из глубин Сибири, спокойный во всех отношениях, я толстел, дни мои начинались и кончались один, как другой, но разум мой был мертвенным, а угнетенная душа моя билась в своей стихии, как утопающий бьется в воде...»

Вот каков я был, вот каков я ныне: веселее, когда у меня больше огорчений, угрюмое, когда я слишком спокоен...»

15 марта 1801 г. Александр I издает Манифест, по которому освободалось от наказаний 156 лиц, пострадавших в предыдущие два царствования.

В одном из списков наказанных значился и Радищев. Освободившись из ссылки в Немцове, писатель переезжает в Петербург, где определяется членом комиссии Сената по сочинению законов. Но ни один из законов, составленных Радищевым, не получил ни малейшего движения.

По свидетельству его сослуживца – Ильинского, Радищев неизменно был «мыслям вольных и на все взирал с критикой... при каждом заключении... прилагал свое мнение основываясь единственно на философском свободомыслии».

2 сентября 1802 года за 10 дней до смерти Радищева граф Завадовский, непосредственный его начальник, шутиливо намекнул писателю на «молодость его седин, и что «одной Сибири» видимо мало». Это заявление Радищев воспринял, как решение вновь отправить его в ссылку.

В страшном смятении чувств Александр Николаевич возвращается домой, отчаяние и ужас переполняют его сердце. Он крайне напуган, мечется по комнатам, говорит, что «до него добираются». Несколько успокоившись, Радищев слег в постель. Старший сын свидетельствует: «Здоровье ему изменило, он стал чувствовать беспрестанно увеличивающуюся слабость... буквально таял на глазах, изнемогал, сделался, задумчив, стал беспрестанно тревожиться». Лечил его штаб-лекарь Придворной конюшенной конторы Иван Гейснер, труды которого остались напрасными. В ночь с 11 на 12 сентября Александр Николаевич неожиданно выпивает стакан «крепкой» водки, приготовленной его сыном для вытравливания старой золотой канители на эпюлетах и, говоря, что будет умирать долго и мучительно, хочет зарезаться бритвой, которую отнимает у него сын.

Покончил ли самоубийством Радищев или это можно считать несчастным случаем? Намеренно он принял яд (по одним источникам это была «крепкая водка» - селитряная азотная кислота, по другим – «царская водка» - смесь 1 части азотной кислоты с 3 частями соляной кислоты. «Царская» - растворяющая золото – «царь металлов») или ошибочно выпил этот стакан, подумав, что в нем вода для запивания лекарств?

Официального медицинского заключения о смерти Радищева не сохранилось.

Но сыновья выдвигают версию о том, что отец был тяжело болен и умер от болезни. В записи о захоронении Радищева говорится, что он умер естественной смертью, страдая чахоткой. То же самое сказано в официальной выписке о смерти Радищева, опубликованной в журнале «Литературный вестник» №6 за 1902 год. А как следовало поступить родственникам иначе? Ведь православная церковь считает самоубийство тяжким грехом, самоубийц не разрешали хоронить на кладбище, а только за оградой. Могли ли сыновья объявить правду о смерти отца, кроме того с риском бросить тень и на свою карьеру? Но тайна есть тайна, теперь уже истину не восстановишь!

Первым версию о самоубийстве Радищева выдвинул А.Пушкин в том гнусном биографическом очерке, о котором речь шла выше. С его легкой руки большевики, придя к власти в России, захлебывались от восторга, обвиняли царизм в смерти писателя-революционера. Некоторые советские исследователи полагают, что Радищев в начале XIX перенес духовный кризис, связанный с крахом буржуазной революционной идеологии после падения якобинской диктатуры, и духовный крах самого Радищева. Осудив диктатуру Робеспьера и отойдя от идей народной революции, писатель-демократ не пожелал быть участником того либерального обмана, который развертывался на его глазах после воцарения Александра I, и покончил жизнь самоубийством в 1802 году (Е.Г. Плимак цит. по Д. Бабкину).

Вот вам нате!

Сбылось пророчество Радищева в найденной после его смерти записке: «Потомство отомстит за меня». Сбылось, но с такой разрушительной силой, с таким крушением надежд зарождавшейся в России демократии, что писатель-революционер, был бы он жив, мог написать еще один памфлет, за который потомство могло рассчитывать с ним ГУЛАГОМ, по сравнению с которым Илимский острог – это, по существу, санаторий ЦК КПСС.

А где же страдающий, измученный телесным и душевным недугом человек с его горестями, надеждами, просто человеческой слабостью?

Но, как и все 80 лет царствования большевиков, идеология подменяла собой все стороны общественной и человеческой жизни.

Пожалуй, единственный из хора коммунистических историков и литературоведов Д.Бабкин связал трагическую кончину Радищева с его длительным и тяжелым телесным недугом. Хотя и здесь не обошлось без оговорки, о том, что здоровье писателя было подорвано «бесчеловечной политикой царского самодержавия».

Так страдал ли А.Н. Радищев душевной болезнью?

Да, по-видимому, страдал. Не будем вдаваться в тонкости нозологические, зачем это нужно, да и никому не интересно. Но синдромология четко и ясно определяет депрессивный характер переживаний писателя.

Первый депрессивный период возник после смерти первой жены Радищева, и длился без малого семь лет (1783-1790 г.г.). Об этом ярко и убедительно свидетельствует творчество Радищева, его письма, воспоминания современников.

С этого же времени, появляются пароксизмы, которые на языке современной психиатрии можно было бы назвать диэнцефальными кризами. Эти состояния преследовали писателя до самой смерти.

Второй период, или, если хотите, аффективный кризис, наблюдается у Радищева, в период нахождения в Петропавловской крепости (30 июня – 8 сентября 1790г.). Аффекты отчаяния, безысходности, страха, ужаса перед неминуемой смертью, доходящие до состояния раптусы, обмороки, внезапная седина – яркие и потрясающие воображение картины.

Третий депрессивный период длится в течение 4 лет – период возвращения из Илимской ссылки вплоть до переезда в Петербург и возобновления государственной службы (1797-1801 г.г.). В этот период Радищева не оставляют диэнцефальные кризы.

Четвертый депрессивный период, самый короткий, длится около года с 1801 по 12 сентября 1802 года. Несмотря на активную законодательскую деятельность, общение с друзьями по «Вольному обществу», продолжение творческой работы, фон настроения Радищева остается сниженным, по всей видимости из-за нарастающего соматического неблагополучия. Беседа с графом Завадовским за 10 дней до смерти вызвала аффективную паранойальную реакцию со сверхценными идеями преследования.

На фоне нарастающего соматического неблагополучия в ночь на 12 сентября возник «artus melancholicus» - взрыв тоски, повлекший принятие яда («царской водки»), осознание тяжелых предсмертных мук для облегчения страданий и попытку зарезаться.

Иного, учитывая клинические показатели болезни Радищева, ожидать и не следовало, ведь за 19 лет своей болезни Радищев пронес мысль о самоубийстве, и даже в межприступные периоды.

А.Н.Радищев оставил в памяти потомков восхищение своим патриотизмом, ненавистью к рабству и угнетению, он до конца исповедовал свои принципы и даже в минуты человеческой слабости оставался верен своим высоким идеалам.

Прав был И.С. Тургенев, говоря: «В человеческой жизни есть мгновения перелома, мгновения, в которые прошедшее умирает и зарождается нечто новое».

Это о А.Н. Радищеве – писателе и человеке.

Московский Салон Литераторов

Мегаполис наших мыслей

Ты стоишь у окна, за окном - шумный город. Желтые, голубые, красные - миллионы огней, миллионы окон - за каждым своя судьба. Многоликий мегаполис больших и маленьких жизней, хитросплетенный клубок надежд, радостей и горестей, встреч и расставаний. Многомиллионный «город грехов», по умолчанию построенный на одиночестве, разочарованиях, потаенных обидях.

Грехи не умеют прощать. Грехи не умеют любить - любить без всякой на то причины, не требуя ничего взамен. Грехи мешают взять ближнего за руку (а ближний, он - всякий...) и прошептать: «Остановись в своем беге за птицей-удачей. Живи так, как если бы удача уже была в твоих руках - птица райская, глазастая. Она сама тебя выберет!».

Мы бежим вперед в погоне за «не своим» счастьем, на ходу прикрывая раненные души кто чем может: кто - словами умными, кто - мнимой загруженностью, а кто - стильными одеждами. Иллюзии.

Вперед-вперед, в кроличью нору, бежим, не видим, как наши мысли проступают через все щелочки наших глухо зашторенных душ с парадной вывеской «У меня все отлично!». И вот они уже перемешиваются с воздухом, с дождем, с солнечными бликами, с прохожими, с гуляющими автомобилями, с рабочими файлами, черным кофеом, с дымом сигарет, со звуком хлопнувшей двери. А мы удивляемся: почему ТАК получается? Искренне, по-детски сердимся, не замечая, что вокруг правят бал наши вырвавшиеся на волю мысли: с виду - прекрасные туманы Авалона, а на деле - что ни на есть обыденная жизнь - такая, какой мы ее сами нарисовали разноцветными «красками». Обижаемся - болеем, почему? Почему попадаем по жизни в одни и те же ситуации? Сто тысяч почему.

Открываем ключом дверь квартиры и слушаем тишину: почему в доме тихо, никто не встречает? Человек имеет ровно столько, сколько отдает.

Ты смотришь в окно на шумный город, спрессованный временем, не терпящий sentimentalности.

Нам, марионеткам собственных мыслей, мало простого человеческого счастья - что имеем, не храним. Нам надо что-то еще, а что - сказать не можем. Наверное, устойчивости на этой земле, каких-то благополучных и цельных партнеров, достигающих поставленных целей и верных самим себе. Но цели наши - во внешнем мире, а правила-руководства по их достижению придумали мы сами, существуют они лишь в нашем мире внутреннем. А мы словно бегаем по кругу в стеклянной банке, создавая иллюзию приближения к намеченному, но постоянно себя обманывая. Мы упрямы: придумали себе искусственную «цельность», ежечасно выставляя всему оценке - «добро-зло», «сила-слабость», «хорошо-плохо», путаясь в двойном стандарте и забывая о теории относительности.

И ты - бабочка в гербарии города, улыбка «неваляшка», ты - одна из тысячи, живешь фигуркой на своей картинке жизни. Думаешь, что ты особенная, случайная, неведомый драгоценный камень, упавший с Луны, просто тебя еще не разглядели. Нет, не обманывайся. Ты здесь не гость. Ты такая же, как и все мы, - автор своей Истории.

Ты от окна отворачиваешься, обводишь комнату взглядом - та медленно наполняется сумеречным светом, расширяется и превращается в виртуальный дымчатый Край без времени и границ: прошлое медленно перетекает в будущее, образуя кольцо. Мысли принимают форму причудливых рыб - они проплывают мимо, голубые, открывают и закрыва-

Ольга Грушевская
(Стефания Солис)

Прозаик, переводчик. Родилась и живет в Москве. Окончила МГПУ им. В. И. Ленина, факультет английского языка; МосГУ, факультет психологии. В 2006 году вышел первый сборник рассказов и повестей «Лента Мёбиуса». Печатались в журналах «Разумный мир» (Москва), «Цолкер» (Ереван), в альманахах «Не случайные встречи» (М., 2010), «Секрет» (Израиль, 2010), в сборниках современной московской прозы «Время московское» (2007), «Московский Дом», в журнале «Московский BAZAR». В 2008-2011 гг. возглавляла Редакционную и Судейскую Коллегии МСП «Новый Современник». Руководитель проекта «Моссалит».

ют рты, словно поют беззвучную песню.

В комнате вас двое - ты и твой друг. Ты поднимаешь глаза и видишь, что он занят бумажной лентой, лежащей перед ним на стеклянном столе. Внутренний и внешний концы ленты склеены вместе, образуя кольцо. Он задумчиво водит по кольцу пальцем, незаметно переходя с его внутренней поверхности на внешнюю.

- Что это? - спрашиваешь ты.
- Так, пустяк. Лента Мёбиуса, - небрежно говорит он, но, заметив твою любознательность, улыбается. - Смотри, палец не пересекает кромку ленты.

Ты замороженно следишь за движением.

- Никогда не поймешь момент перехода с внутренней части ленты на внешнюю и с внешней на внутреннюю, - друг поднимает глаза и смотрит на тебя внимательно. - Так, наверное, и в жизни.

Большая грустная рыба вновь проплывает мимо.

«Мы в кольце, имеющем одну сторону», - думаешь ты и понимаешь, что лишь считаешь вашу общую скользкую в пространстве мысль.

- Совсем незаметно, как внутреннее состояние уже становится реальностью, - твой друг отбрасывает ленту в сторону, - как мысли обретают форму, проявляясь наружу, и как внешнее состояние вновь погружается в наше «я». У мысли нет границ, она одновременно присутствует и внутри нас, и снаружи.

Он встает и тоже подходит к окну.
- Только снаружи - в форме ситуации, проблемы или материальной формы.

- Рождая мысль внутри себя, - соглашаешься ты, - мы выпускаем ее во внешний мир для самостоятельного существования.

- И то, что мы рождаем, то к нам и возвращается. И мы все тому пример, от начала и до конца.

Вы стоите за оконным стеклом сверкающего небоскреба - микроны Вселенной, каждый, подобно миллионам других, - ступок собственных мыслей. За окном - шумный город, огни неоновых реклам, сигнализирующие автомобили, утро и ночь без границ, мегаполис больших и маленьких жизней.

Мегаполис наших мыслей.

Микаел Абаджянц

Прозаик, переводчик. Живет и работает в Москве. Имеет множество авторских переводов с армянского языка на русский (поэзия и проза), изданных как в периодической печати, так и отдельными сборниками. Имеет два авторских сборника рассказов «Белая башня» (2002 г.), «Портрет» (2010 г.), изданных по государственному заказу Минкультуры РА. Издавался в периодических изданиях и литературных сборниках Армении, России, США, Ливана и др. Участник проектов и автор переводов к текстам полнометражных документальных фильмов («Гарни - Храм Солнца» (сценарист В. Тер-Казарян, реж. Ш. Варданян) и др.).

В настоящее время в Москве готовится к изданию авторский сборник произведений на русском языке.

«Король Прозы - 2009» МСП «Новый Современник», член Союза писателей Армении, член Международного ПЕН-клуба, член МСП «Новый Современник», автор-участник Московского Салона Литераторов.

ПРИГОВОР ЛЕВОНУ ШИРИНЯНУ

дружеский шарж

Левон Ширинян проснулся в аду. Ад был совсем не страшный и походил скорее на конференц-зал. Вдоль стен висели портреты Великих Чертей - мрачные, строгие, выполненные не то углем, не то мягким карандашом М6. Портреты были выполнены мастерами. Свет и тень в них чередовались с таким правдоподобием, что казалось, лица вот-вот оживут, изменится их мимика, и напряжение сменится страшными улыбками.

- Здравствуй, Левон Ширинян! - сказал лысый черт за длинным столом, на котором перед ним лежала груда распухших папок.

Левон не ответил. Он только оторвался от портретов знаменитых чертей и заметил, что за длинным, уходящим в бесконечность столом тоже сидят черти. Страшные, похожие на своих великих предшественников, они смотрели на него с неослабным вниманием и готовились, видимо, к серьезному разговору. Длинный ряд голов, часто лысых, с самыми невероятными пропорциями и порой самыми странными и дикими выражениями, тоже уходил в бесконечность.

Левон понял, что это еще не сам Ад, можно еще поторговаться и получить наказание не самое страшное.

- Да вы присаживайтесь, присаживайтесь, почувствуйте себя, как дома. Разговор будет не самый короткий. И от того, что вы нам скажете, будет зависеть, какое наказание получите.

У Левона что-то екнуло внутри. Где-то он этого лысого, с невероятно вытянутыми ушами, уже видел. На лбу у черта пролегла большая черная складка, и она придавала лицу выражение какого-то озабоченно-тупого сочувствия.

- Это ваши рисунки? - Черт бросил перед Левоном одну из папок, из которой по столу разлетелось несколько рисунков.

Один, небольшого размера клочок бумаги, с обрезанными ножницами углами, упал прямо перед Левоном. Он сощурил слезящиеся от усталости глаза и рассмотрел портрет человека, очень похожего на главного Черта. Да это он и был... Да, это он его рисовал - этого главного Черта. Ну надо же, как похоже. Левон решил потянуть время, что-то обдумать, но вдруг неожиданно сказал:

- Да, мои рисунки...

Длинный ряд самых странных, удивительных до безобразия, голов одновременно развернулся в его сторону. Все чего-то от Левона ждали.

- Так ведь не похоже, родной вы наш!

У Левона возникло знакомое желание вытащить из кармана стирательную резинку и что-то подправить в этом лице, что-то изменить и что-то добавить.

- А ведь это грех - так лгать Самому Себе, - продолжил Черт, - да и людям тоже. Вы же всех обманываете, и в первую очередь себя... Люди - они прекрасны, а вы их изображаете уродами. Вам не пристало. Вы - художник и не должны употреблять данный вам от Бога талант на то, чтобы вселять неверие в свои силы и отнимать надежду...

Левон не знал, что сказать... Вернее, знал. Все, о чем говорил Черт, было его собственными мыслями. Искусство должно быть прекрасно. Но разве не изображал ад Данте, и не видел ли в людях лишь порочные страсти Франсиско Гойя? Отчего это он должен отчитываться перед этим Чертом? Но решил не лезть на рожон и начал дипломатично:

- Да, знаете ли. Эээ... таково мое мировосприятие. Художественное мироощущение, что ли... В таком видении своеобразие моего творчества...

Черт потер непропорционально огромный лоб детской ручкой, поправил галстук и продолжил:

- А нам что прикажете делать? Нас же нарисованы тысячи. Мы в разных коллекциях. Нас же за людей не считают. На нас смотрят с удивлением и омерзением даже те, кого ты пытался нарисовать. Это же вроде ругательства в адрес человека. Или вроде плевка ему в физиономию... Нет, не надо опираться. Вы преступник и грешник. Вы лгали... А потому вам будет назначено суровое наказание. Нам нужно посоветоваться, какое...

Черти переполошились, выскочили из-за бесконечного стола, сбились в кучу и стали галдеть. Больше всех возмущенно что-то кричал главный Черт. Время от времени из самого скопища чертей вылетали наподобие черно-белого конфетти ворохи бумаги с рисунками Левы Шириняна. Мелькали в бело-черном kaleidoscope странные уши, носы и улыбки. Все они смешивались в удивительные выражения... У Левы стали слипаться глаза, какой-то другой сон, кажется, овладевал его усталым сознанием. Но нет - это его тряс за грудки Главный Черт:

- Мы вынесли приговор! - кричал он. - Да, мы вынесли вам приговор. Вы будете рисовать.

- Что?... - не понял Левон Ширинян.

- Вы будете рисовать! - в каком-то раже кричал Главный Черт. - Вы всех нас переписуете... Вы будете рисовать, пока мы не станем нормальными людьми. Да... и не важно - сколько на это уйдет времени...

Левон попытался Черта с себя сбросить, но ему это не удалось. Черт насел еще сильнее и продолжил:

- Рисуйте хоть целую вечность... пока всех и все не исправите...

* * *

Именно такой приговор был вынесен чертями Левону Шириняну в его странном сне. А знаете, чем он сейчас занят? Угадывайте... Вот именно, он сидит у себя дома и переделывает свои страшные портреты-физиономии в более добрые... Не верите - позвоните ему и спросите сами.

КРЕСЛО ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Я уже давно не писал. Состояние от этого было самое отвратительное. Казалось, чувства мои притупились, и я больше не мог чувствовать так, как прежде. Уж и не знаю, отчего это со мною случилось. То ли оттого, что я въехал в новую квартиру, и муза моя так и не захотела вселиться в мой новый дом, то ли вообще умение мое понемногу истерлось в пустых литературных спорах Круглого зала Союза писателей. Я бесцельно бродил по вечернему Еревану, и душа моя содрогалась от бесплодных и оттого страшных творческих мук. Ноги мои касались вечерних теней и несли меня уже по Орбели, где жил мой Великий Друг. Вот маленький полукруглый перекресток с аптекой, где наверняка было лекарство для больной души, но тут я не задержался, вошел во двор дома с аркой сталинской постройки и по лестнице поднялся на последний этаж. У белой, чуть ободранной двери я помедлил, нажал на кнопку звонка, в тревоге из-за того, что хозяйка может дома и не быть. Но раздался шаг, и дверь уже была открыта.

Ваан Тер-Казарян был дома. А я сидел перед ним, и мне было стыдно за свое творческое бесплодие, мне было тяжело признаться, что душа моя очерствела от бесконечных литературных склок и битв, приторных и лживых похвал, что били меня за то же, за что потом и хвалили, и давали премии. Мне было горько оттого, что я не тот прежний юноша, что нес свои рассказы замечательному писателю. Мне было тяжело от обидной мысли, что сказать мне, собственно, нечего, что горе мое глубоко личное, и если я сейчас ему признаюсь, что больше я не писатель, что не могу больше выдавить из себя ни одной стоящей строчки, то он просто выставит меня за дверь. А он сидел как ни в чем не бывало за столом, заваленным страницами своего бесконечного романа "Повет вора", где между листами валялась всякая всячина – золотые механические ручные часы, пустые и полупорожние бутылки из-под водки и джермука, зажигалки самых диковинных конструкций и размеров, музыкальная шкатулка с музыкой и танцовщицей, картины маслом, гравюры с неизвестными мне городами, зубы доисторического ящера и везде – сырой и серый песок из долины Аракса. Все это валялось, казалось, без всякой системы между мелко исписанных страниц, и было удивительно, как все это поместилось на небольшом столе.

А я молчал, хотя и говорил что-то. Я был нем оттого, что привык корчить из себя замечательного писателя, что более всего меня стала интересовать материальная сторона писательского дела, и пока я выторговывал гроши за свои рассказы, муза моя убежала, забила куда-то, и теперь ее, черт дер, надо было уговорами и упорным трудом снова убеждать, что я чего-то стою.

А Ваан, кажется, ничего этого не замечал, он смеялся и острел, когда по черным строчкам вдруг пробежал скорпион, или вдруг с шорохом разворачивались полускрученные листы бумаги, и оттуда вываливалась гюрза. Он просто немного поседел, кажется. Да, он просто немного постарел. Лицо стало одуловатым, и в глазах было больше крови. Нет, он тоже изменился, и чем больше я вглядывался, тем больше убеждался, что это не мой друг, а кто-то уже другой. И тут он поднялся и сказал мне, чтобы я кто-то не уходил, и если захочу, то могу даже посидеть в его кресле, а он пойдет спать. Он опять рассмеялся, но на этот раз как-то бессмысленно, и пропал.

Я был обижен. Я пришел к нему излить душу, а он, видите ли, пойдет спать, да еще, словно ребенку, предлагает посидеть зачем-то в его кресле. Великий писатель во мне был обижен. А за окном все еще был вечер, огромный тополь золотился на легком ветру, и в комнате все окрашивалось понемногу в бронзу, и бесконечное движение в кипах бумаги на столе потихоньку утихло, затаялось. Я подошел к креслу. Кресло как кресло. Обтрепанное немного, с наброшенным на него обрывком старого ковра. Зачем это я в нем должен был посидеть, ума не приложу. Тоже мне великий писатель. Кресло тоже приобрело постепенно цвет бронзы и, незаметно для себя, я в него сел. Я было снова погрузился в свои нелегкие думы, когда вдруг почувствовал, что кресло подо мной легонько так подпрыгнуло. Сначала я подумал, что сзади меня кто-то поддал ногой. Но позади никого не было. Потом я почувствовал, что кресло движется. Э, да это чертово кресло пыталось меня сбросить! Я вцепился в подлокотники. Оно подскочило, не высоко так сначала. Э, погоди дорогое, я в тебе усую, я ведь тоже писатель. И тут оно подпрыгнуло так высоко, что я чуть было не ударился головой о потолок. Становилось даже опасно. Но я упорно держался за подлокотники и старался не вылететь из кресла. Кресло несколько раз встало на дыбы и бешено помчалось по комнате, делая гигантские прыжки из угла в угол. К моей радости, усидеть мне пока удавалось. И тут с диким шелестом со стола взвились страницы незаконченного романа. Жуткие видения пронеслись и исчезли перед моим взором. То вдруг в комнате появлялся норовистый осел с непомерно длинными ресницами, который каждый раз не упускал момента меня лягнуть. То сам Ворон, в огромной грузинской кепке, пытался выклевать мне глаз. Потом мне показалось, что я падаю в бездну, и только гордость писателя все еще заставляла меня сидеть в кресле, потом сквозь чашу змей и скорпионов меня понесло наверх, от чертей к ангелам, которые пели на предельной для моего слуха частоте. Мне виделись главы большого романа, от которых становилось тяжело дышать. И между ними я читал свои собственные, еще не написанные произведения, и от этого становилось легче. Но в кресле усидеть было все труднее. Голова шла кругом, и мне стало плохо. Сделалось совсем темно. Я, кажется, терял сознание. Кресло последним рывком вышибло меня из своих объятий.

Когда я открыл глаза, надо мной стоял Ваан Тер-Казарян. Похоже, он хорошо выспался. Он смотрел на меня и говорил: "Э, Мишка, одна ножка у кресла сломана. Я тебе же говорил, не садись сюда, здесь только я могу сидеть. Вот ты сел и упал..." Потом он мне помог подняться, и мы до поздней ночи разговаривали и пили чай.

Потом я отправился домой и по дороге думал, что все-таки в кресло я сел не по своей прихоти...

Микаел АБАДЖЯНЦ

Ольга Грушевская (Стефания Солис)

Из цикла миниатюр «I was born to love you, Baby»

Дурочки – они ж умные

«Возможность быть счастливым есть каждую секунду – у каждого! Надо лишь понять и увидеть счастливый билетик, а это – самое сложное», – сказал ты, как всегда взяв меня за руку, – рука у тебя холодная.

«А дальше?» – вечно я со своими вопросами, я – дотошная.

«Дальше? – ты задумался и убрал с моего лба прядь волос холодными пальцами. – А дальше надо действовать, милая», – сказал так решительно, что я задумалась.

«Действовать? – покачала я головой. – Люди с низкой температурой тела резких движений не делают, они не умеют действовать».

«Откуда ты знаешь?» – ты руку отдернул, нахмурился.

Откуда я знаю? Вот удивил!

Дурочки – они ж умные.

А ты на небо смотри...

А при встречах...

А при встречах ты такой строгий, немногословный, не такой как в письмах – зашкаливающий. Беру на себя ответственность и лихо заполняю паузы. Несу несуряцицу – тебе приятную, терпеливо слушаешь и улыбаешься. Я – твоя акварель, наполненная светом и воздухом, чуть-чуть словесной воды и мой образ теряет очертания, поэтому я стараюсь свое многословие сдерживать.

«Как я люблю, когда ты прищуриваешься. Как я люблю эти хитрые искорки серо-зелёных глаз твоих. Как я люблю твою улыбку солнечную!», – шепчешь ты и уверенно краски смешиваешь на палитре нашей жизненной: ты – художник, пишешь картину новую, яркую, я на ней как бабочка на булавку прищиплена.

Но при встречах...

Но при встречах ты, как мальчишка, теряешься.

«Я тоже другая?» – спрашиваю, слегка прильнув к плечу твоему.

«Ты – разная, и другая тоже. Я тоскую без тебя».

«А ты на небо смотри, – я успокаиваю. – На небо, полное смысла милосердного».

А ты на небо смотри, там – я.

Вос-по-ми-на-ни- я – слишком много гласных

«Шлю тебе твои фотографии – наше вчерашнее путешествие. Смотри, какая ты красивая и... незнакомая. Сегодня это уже воспоминания».

«Да, воспоминания, но они такие теплые! – отвечаю и тут же с улыбкой дописываю: – Хорошо если воспоминания теплые, хуже – если холодные!»

«Теплые, холодные, какая разница, – возражаешь ты, – главное, мы есть – без нас не существуют они».

Почему я слышу грусть в словах твоих? Как и вчера, в машине, когда болтали всякую несуряцицу, твой голос грустью пронизан был. Наверное, само слово «воспоминания» уже наполнено зыбким настроением – все легким туманом окрашивает, как над рекой ранним утром, – картина тебе известная.

А может, это слово просто перегружено гласными? На самом деле, всегда все прозаичнее получается.

Вот и ты написал: «Воспоминания – фигия: тема мелкая. А грустный я, наверное, из-за того, что весь день без тебя, моя милая. Когда исчезаешь ты, то я, как нормальное животное, часть природы окружающей, не нахожу себе места при солнечном затмении, цепляюсь за любую возможность увидеть тебя – мой лучик спасительный! Я мечусь в смятении...»

Вос-по-ми-на-ни-я – слишком много гласных, тебе не кажется?

Валентина Сарычева

Поэт, прозаик.

Живет в Москве. Имеет много публикаций, среди них авторский сборник стихов и рассказов «Мелодия души» (изд. Союза писателей России, 2002), ряд рассказов и стихов опубликованы в журнале «Наша улица» (2002), сборнике «Антология одного стихотворения», журнале «Работница» (2007). Регулярно печатается в прессе Северного округа г. Москвы и газете «Слово».

В 65-летний юбилей Великой Победы выступала с авторскими стихами в Москве на «Народном радио». В 2006 г. была награждена призом на конкурсе «Поделись своей историей», организованном газетой «Московский Комсомолец».

Член Союза писателей Подмосковья, Председатель поэтического Литературного объединения «Северное сияние», Москва.

ВЕТЕР

Пушистый снег на землю пал,
Дерева в серебре,
И реки крепко лед сковал,
То было в декабре.

Идем по снегу – слышен хруст,
Морозец щиплет нос,
Слова любви слетели с уст,
Но ветер их унес.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Случайно взглядом обменялись
В толпе безликой и немой,
Среди прохожих затерялись,
Но этот взгляд передо мной.

Глухою ночью мне не спится,
И мысль тревожит лишь одна,
Случится встреча, не случится,
Иль только раз была она.

Ловлю по воле провиденья
Я взгляд желанных светлых глаз,
В них скрыто нежное волнение,
И он соединяет нас.

Гляжу в глаза я с упоением,
Читаю искренность любви.
И в них – отрада, и спасенье,
И грезы сладкие мои.

ГОРЬКОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Со мной любовь не разделил,
Играл, дразнил, смеялся.
Одни насмешки мне дарил
И молча отстранялся.

Но кипятки во мне бурлили,
В любви я растворилась,
Восторг ты в сердце разбудил,
Я в счастье погрузилась.

Был сладок этот час любви,
Но все перевернулось.
Горьки прозрения мои.
Ушла. Не обернулась.

ОХЛАЖДЕНИЕ

Дым облаков клубился в небе,
Была осенняя пора.
Ты думал о насущном хлебе,
Сменилась холодом жара.

Ты охладел, я это вижу,
И взгляд стремишься отвести,
Я равнодушный голос слышу,
Но все молю: «Меня прости!»

Прости за ревность, за придирки,
За поглощающую страсть,
За все прошедшие ошибки,
Любви божественную власть.

В душе так грустно и уныло,
Слеза скатилась по щеке.
И мукой горькой сердце ныло,
И я в тревоге и тоске.

Не будет встреч и расставаний,
Что будоражили так кровь.
Не будет горечи страданий,
Но я вернуть хочу их вновь.

Юрий Кабанков

Родился во Владивостоке в 1954 году. Выпускник Литературного института им. Горького (Москва, 1983). Член Союза писателей России (1988). Член Всемирной писательской ассоциации International PEN Club (1998). Лауреат премии издательства «Молодая гвардия» (Москва, 1986). Лауреат премии критиков Союза писателей РСФСР «Лучшие стихи года» (Москва, 1990). Лауреат премии губернатора Приморья «За достижения в области литературы и искусства» (Владивосток, 2001). Книга «Камни преткновенные», выпущенная в 1999 году владивостокскими издательствами «Усури» и «Лавка языков», завоевала в Интернете специальный приз конкурса русской сетевой литературы «Тенета-ринет – 1999». Отдельные произведения переведены и опубликованы на английском (США), арабском (Иордания), испанском (Перу), венгерском, белорусском и латышском языках, а также в антологиях «Русская поэзия. XX век» (Москва, 1999), «Молитвы русских поэтов XX-XXI века» и др. Делегат I-го Всероссийского конгресса Православной прессы и LXVII-го Конгресса Всемирной ассоциации писателей International PEN Club (Москва, 2000). Доцент кафедры теологии и религиоведения Института истории и философии Дальневосточного государственного университета. Кандидат филологических наук.

УССУРИ. ГРАНИЦА

В который раз они творили
тысячеструнный иероглиф,
вплетая в плоские корзины
кусочки разноцветной ленты.

Опившись пеной, плыли джонки,
покачивали веерами,
похожие на Ли Цин-чжао,
но только чуточку тревожней.

Был мир из глины и бамбука
скреплен польниною слюною,
а ласточки луну манили
в долину пагод, вгнивших в землю.

Давно переживя живущих,
они однажды не вернулись —
когда спиральная сирена,
зайдясь, упала на циновку.

А утром раскаленный ветер
прошелся по вершинам сопок —
как пулеметного прицела
обритый наголо зрачок.

НЕСКУЧНЫЙ САД

Когда Нева сжигала фонари
и якорные цепи обрывала,
а ты спала, откинув покрывало, —
«О Господи, — я думал, — сохрани
хотя бы до утра в душе усталой
и этих дней слепой круговорот,
и тот далекий сумеречный год,
которого в календарях не стало!»
И открывалась просветленность дня,
и ты, легко отбросив покрывало,
сухой листок с календаря срывала
и пристально смотрела на меня;
и зажигала спичку о стекло,
и молча подносила к сигарете,
и неподвижно, словно на портрете,
глаза твои светились тяжело.
Скажи, откуда взять мне столько сил
и воли, чтобы вновь с тобой расстаться?
Ведь ты могла бы каменной остаться,
пока я по безлюдью колесил!
Не ведал я, что в том глухом году
в июльском небе выюга завывала,
а ты, легко отбросив покрывало,
стояла обнаженная в саду.
О, этот сад, придуманный не мной!
Неразделенных чувств окаменелость!
Найдется ль хоть один, имевший
смелость
случайно! — заглянуть туда зимой?
От Ладоги — до самой Усури —
вдоль полотна, на каждом километре
стоишь, ладонью заслонясь от ветра.
И выюга задувает фонари.

* * *

Я не смею думать о тебе.
Стынет на морозе береста.
Я не знаю, чем помочь судьбе.
Слишком уж история проста.

Владивосток

И кому поведаю ее?
Среди этих стынущих высот
легкое дыхание твое
разве что от гибели спасет.

Непреодолимо и светло
стелется поземка по стерне.
Подыши на мертвое стекло —
как же ты не помнишь обо мне?

Опостылил снежный окоем!
У речушек треснули уста...
Ничего — что каждый о своем.
Видишь — как история проста.

В ЭТОТ ДЕНЬ

Primum vivere!*

Глядя на светила исподлобья,
над родимой пажитью кружа,
разминулась с пролитой кровью
в небо вознесенная душа.

Смерть смотрела с борта самолета,
как вставал охрипший, чуть живой
день передового обмолота
с пыльной непокрытой головой.

Радуйтесь! Но помните отныне,
вслушиваясь в благозвучную весть,
как Мария плакала о сыне,
веруя, что он на свете — есть.

Кровь прошла гудящими корнями,
окропив расплавленный песок
там, где сын слепящими огнями
небо прочертил наискосок.

В этот день, прогуливаясь шатко
и перетолковывая весть,
праздновали солнечную жатву:
хлеб, мол, наш насущный
даждь нам днесь!

...Отольется Третья Мировая,
и тогда — напишет кто-нибудь? —
«Одуванчик, щеки раздувая,
тронулся в необратимый путь...»

* Прежде всего — жить! (лат.)

АПОФЕОЗ БАШМАЧКИНА

«...стал показываться по ночам мертвец
в виде чиновника,
...сдирающий со всех плеч, не разбирая
чина и звания, всякие шинели...»
Н.В.Гоголь, «Шинель»

Над Петербургом рассвело:
Аврора, — чем-то там — блистая...
...И — в мантии из горностая —
Башмачкин двинулся в село.

Взор — царственный — из-под руки
на уплывающие долы,
где бабы, подоткнув подолы,
белье полощут у реки.

Кругом — забот сплошной вокзал.
И трактора стоят рядами.
— Отныне общими трудами! —
Башмачкин, думая, сказал.

Он видит: жизнь совсем не та;
здесь мысль неспешная клубится,
мечтая к берегу прибиться...
А впрочем — та же маета.

Он понял: здесь необходим
особый взгляд. И — строгий почерк.
(Ведь сам Башмачкин, между прочим,
пера и дести господин!)

Глубокомысленный народ
застыл, не проглотив аршина:
а вдруг сей деус из машины
и вправду мантией тряхнет?

И — шурясь: мол, не дурачки! —
бесстыжие глаза упрятав,
вцепились в мантию ребята —
и разодрали на клочки.

Башмачкин плакал от души.
И — «быв отправленным в столицу» —
спал, не снимая рукавицы:
опушки были хороши.

Вячеслав Протасов

Родился 30 января 1949 г. в городе Гера (Германия), где после войны продолжал службу отец, офицер Советской Армии. После службы в армии учился в Горьковском университете им. Лобачевского. В 1973 году приехал во Владивосток. Почти четыре десятка лет живёт в Приморье, работал в Морском торговом порту. Первая поэтическая книжка «Лучший день» вышла в 1982 году в Дальневосточном книжном издательстве. Автор книг: «Штиль» (Москва, 1983, изд. «Современник»), «Високосный день», «Вишнёвая косточка» (Владивосток, 2003-2005 г., изд. МГУ), книги переводов Г.Гейне «Сердце из моей груди» (2003 г.), Эмили Дикинсон «Разговор на языке души» (2004 г.), Сайто Санэмори «Шестая стихия» (изд. «Orient», 2007). Один из авторов коллективных сборников «Пять по пятьдесят» и «Три имени» (1999 г., 2002 г.). Стихотворения печатались в журналах «Юность», «Дальний Восток», «Октябрь», «Наш современник», в «Комсомольской правде», «Литературной России», в многочисленных сборниках, альманахах и антологиях. Участник Совещания писателей в Москве, на Камчатке, во Владивостоке; Совещания поэтов братских республик во Львове; VIII-го Всесоюзного Совещания молодых писателей (М., 1984 г.); лауреат премии Приморского комсомола, премии журнала «Дальний Восток» (трижды), премии губернатора Приморья. Член Союза писателей России.

Если у незнакомой дороги...

если у незнакомой дороги
на ветке
кряжистого дуба
сидит Соловей-разбойник
и прилежно свищет
мешая пройти и проехать
не раздумывая ни секунды
это —
та самая дорога!

Человеку необходимо...

человеку необходимо родиться
чтобы задохнуться однажды
от счастья
и умереть
чтобы перевести наконец дыхание

Когда я прохожу ...

когда я прохожу
мимо старинных зданий
и трогаю ладонью
потемневшие камни
я думаю о том
что будут говорить о нас
лет через двести
вспомнят ли нас
как старые
добрые
времена?

Соловей роза и улитка

не дождавшись конца этой ночи
соловей
стал разучивать новую песню
с любопытством
изредка глядя на звёзды

роза
томясь ожиданием
вновь задремала
красиво свернув лепестки

и только улитка
спешит
задыхаясь от встречного ветра
чтобы успеть перейти до рассвета
лунную дорожку в саду

При встрече

я хотел бы спросить
у того Кто Создал Этот
Мир
но не о сроках
исчисленных нами
с достаточной степенью точности
и не о цели
почти установленной
нашими умниками

я спросил бы
приветливо глядя при встрече в
глаза:
— ну здравствуй Старик
как дела?

Океанская почта

напишу тебе
совсем короткое письмо
такое чтобы ему было просторно
в пустой бутылке
тёмно-зелёного стекла

...буду слушать
чем это недовольна волна
покидая берег
передразнивать чаек
вспоминать о пустяках

и глядя в море
с нетерпением ждать ответа

Эгоизм любви

если эта непостижимая Вселенная
начнёт однажды сужаться
с каждым мгновением
становясь всё меньше и меньше
то в конце концов
останутся только двое —
ты

и
я —
неделимые
несокрушимые частицы Вселенной
неправда ли моя радость?

Мир обязательно спасут...

мир обязательно спасут
могучие мозги мыслителей
и нервы оголённые поэтов —
я это знал всегда

а если забывал
среди тревог
раздумий
и сомнений —

всегда об этом помнили цветы
берёзы
пчёлы
соловьи
и носороги
и дети на руках у матерей

Переливание крови

разлучить нас —
всё равно что взять и отменить
самый главный закон природы
заодно и все остальные законы

экстерном мы сдали экзамены в школе
где учат забывать прошлое
над моим столом
аккуратно прибита похвальная грамота

...а вчера в рыбном отделе
в какой-то длинной и нервной очереди
я почувствовал вдруг
как в меня — капля за каплей —
переливается твоя кровь
горячая нетерпеливая
она слегка покалывала вены

испуганный
я бросился сломя голову

на улицу
чтобы предупредить тебя
но меня остановили прохожие
— чудак — сказали они —
постарайся успокоиться
в этот миг
твоя кровь капля за каплей
капля за каплей
наполняет её аорту
и уже совсем близко от её сердца —

вот и попробуйте нас разлучить!

во-первых —
это всё равно что отменить все законы

природы
а во-вторых —
слишком много испорчено
крови...

Владимир Тыцких

Родился 29 июня 1949 г. в г. Лениногорске (ныне Риддер) Восточно-Казахстанской области. Автор многих поэтических сборников, а также книг художественной и публицистической прозы. Печатался в журналах: «Байкал», «Бежин луг», «День и ночь», «Звезда», «Знамя», «Москва», «Московский вестник», «Наш современник», «Октябрь», «Пограничник», «Простор», «Сибирские огни», «Смена», «Советский воин», «Студенческий меридиан», «Юность» и др. Отмечен восемью лауреатскими званиями в Москве, Хабаровске, Владивостоке, Нью-Йорке. Заслуженный работник культуры России (1998). В Союзе писателей СССР (России) с 1988 года. Живет во Вла-

НЕ ОТРИНЬ!

Мело, валило — ни троп, ни вех,
Лишь дым вывевался из труб,
Да мама крутилась одна за всех
В избушке, простывшей к утру.

А я доглядывал детский сон —
Наивный, несбыточный сон, —
Где каждый в каждого был влюблён
И каждый прощён и спасён.

Там жизнь катилась не под уклон,
Да не тенью через плетень,
Не ветром со всех четырёх сторон
Там иной занимался день.

Уж тем одним навсегда хорош,
Что и мама ещё жива,
А снег упал — по двору не пройдёшь,
Да в печурке гудят дрова.

Судьба нескладная — не моя,
Не моя — поросла быльём...
Сладкий сон заспал и поднялся я
Ранним утром, да поздним днём.

Не мне в вину, не в укор ему
Был день целый день на бегу.
Да вслед ему банька по-чёрному,
Да след мой на чистом снегу...

* * *

И день, и два, и целых полнедели
Опять — за клином клин, за рядом ряд —
Летели гуси-лебеди, летели:
Весной они всегда домой летят.

На малых, средних и больших высотах
Опять — за строем строй, за валом вал —
Они тянули к отчему болоту,
Куда не каждый прежде долетал.

Как труден путь, они, конечно, знали.
Уже горели под крылом леса,
Уже стрелки патроны запасали, —
Они всё шли в неласковые дали,
То молча шли, то тихо клекотали,
То криком оглашали небеса.

Они всё шли, не глядя на погоду,
Всё шли — за строем строй,
За рядом ряд, —
Хотя любого встречной дробью сходу
Мог сбить с пути бестрепетный заряд.

И кто-то расчехлял ружьё, а кто-то
Уже к плечу прилаживал приклад...
А я бы запретил на них охоту,
Когда они на Родину летят.

* * *

Ветка кленовая, заледенелая,
Словно живая, стучится в окно...
Что она плачет, метелица белая?
Не отворю я дверей всё одно!

Избы по самые крыши заснежены.
Глянесь в оконце — ни зги не видать.
Так-то зима разгулялась, сердечная,
Так безоглядно пошла бушевать!

Так разошлась, завелась, забуранила,
Перемела времена и пути!
Плачет метелица песнею раненной —
Не пожалеть, не унять, не спасти...

Экая силища неукротимая!
Птице ли, зверю ли — несдобровать.
Как же любить надо землю родимую,
Чтобы до смерти на ней зимовать...

ДИПТИХ

1

Припоминаю даты, лица,
Волнуюсь, время тороплю —
Я снова еду поклониться
Земле, которую люблю.

Я поднимусь по скорбной тропке
Меж красных звёзд и серых плит
На тихий склон алтайской сопки,
Где мама сном последним спит.

Над ней родные стыннут звёзды,
Протяжно плачет дождь косой,
И дышит предрассветный воздух
Польною, мёдом и росой.

Над ней, не ведая покоя,
Шумит и падает листва,
И холод зим за летним зноём
Вступает вновь в свои права.

И долго снег лежит, не тая,
Но о весне поют ветра...
Их слышит сопка на Алтае —
Моя поклонная гора.

Здесь незакатно солнце детства,
Здесь всё священной для меня
Моё законное наследство —
Большая Родина моя.

2

Вот приехал на родину... Странно —
Мне теперь за граница она.
Я на этой земле окаянной
Веселее знавал времена!

Мне казалось, что здесь я — навеки,
Но гляжу — вроде всё, как всегда:
Вспять пока не повернуты реки,
Да текут неизвестно куда.

Вот — сплошные канавы да ямы
По пути на убогий погост,
Где под глинистым холмиком мама
Отдыхает от пролитых слёз.

Вот — за серой оградой кладбища,
Как последний солдат на посту,
Появляется сумрачный нищий
И бредёт от звезды ко кресту.

И, готовый упасть и заплакать,
Средь заброшенных русских могил
Прохожу я, весьма косолапя,
Как отец мой нетрезвый ходил.

Я бы тоже, наверное, запил,
Но боюсь сделать маме больней...
В кои веки приехал дней на пять —
Погощу в загранице моей.

Нам до дна эту горькую чашу
Не испить ни потом, ни сейчас:
Потерялось Отечество наше,
А другого не будет у нас.

* * *

По двору сонно плывут тополиные тени.
Эту аллею мы сами садили когда-то
Невдалеке от крыльца
в две шербатых ступени
В городе первой любви —
нашей первой утраты.

Вечной дорогой от этих
истёртых ступеней
Выйдем с восходом
и будем шагать до заката,
Опыт потерь и тяжёлые
гроздь прозрений
Перетирая в ладонях
судьбы грубоватых.

Если бы всё, что нечаянно
мы пережили,
Мы сохранили, к последней
приблизившись цели,
Мы бы, наверно, такими
неглупыми были,
Мы бы так много хорошего
сделать успели!

Все мы нездешние,
все мы залётные гости —
Наши дороги недолги,
а встречи случайны.
Зёрна прозрений собрать
бы и полною горстью
Высыпать в поле, освящённом
ветром прощальным.

Пусть он летит хоть куда
и толкает нас в спину,
Только бы слабеньких
всходов пока не тревожил.
Он-то останется, тощий
родимый суглинок, —
Мы не увидим, но что-то
здесь вырастет всё же.

Людмила Козлова

Родилась в г. Первоуральске, Свердловской области. Закончила Миасский геологоразведочный техникум. Работала по специальности в Амурской области и на Урале. С 1985 года живу в г. Костомукша (Карелия). Последние 15 лет работала в таможне. В настоящее время на пенсии.

Наталья Протас

Родилась в городе Соргавала. В 1978 г. окончила КГПИ в г.Петрозаводске. Более 30 лет проработала биологом в школе. Учитель высшей категории, Почетный работник общего образования РФ. Проживает в п. Эссойла, Пряжинского района.

Зима — художник

Словно тонкой кистью белой,
Взяв этюдник на плечер,
Начала писать несмело
Вязь рисунка для портьер.

Прорисовывала ветви.
Листья, каждый черешок,
Даже малую былинку,
Что торчала на вершок.

Приловчилась, осмелела,
Стала украшать наш сад.
Вот и вишня побелела,
Выдала кустам наряд.

Превратился сад в пушистость,
Снег налип на провода.
Засверкал и тюль искристо,
Словно было так всегда.

Постелила покрывало
На равнине за рекой.
Посвежело, чисто стало,
Разлился вокруг покой.

Краски ловко размешала
В бирюзово-красный цвет.
Сказку в небе создавала —
Важный зимний элемент!

Вдруг зима остановилась,
Кисть в руке зажав на миг.
Улыбнулась, оглядела
Все владения свои.

Заявила не на шутку
И, как будто невзначай:
-Я пришла не на минутку.
СТУЖУ ЗИМНЮЮ ВСТРЕЧАЙ!

Наталья Ахонен
г. Питкяранта

В ЛАДОНЯХ ФЕВРАЛЯ

Вновь город накрыло студеное небо,
Дохнуло морозом, обсыпало снегом.
Похлопал февраль в ледяные ладошки
И ими накрыл городские окошки.

Взобрались наверх
и нахохлились птицы,
Не видно пути — прихватило ресницы.
Простужено брешет собака в сугробе,
Ей жаль, что она — не медведь,
не в берлоге!

А в санках сидят меховые кулечки —
Из садика едут сыночки да дочки.
И дым отгоняет вернувшийся холод:
Мой скромный очаг греет
зябнувший город...

Свет фонарей неяркий,
Таинственность теней...
Полночной полонянке
Ты не дари перстней.

Колечко золотое -
Узорный ободок,
Петелькой обовьётся
На шее, дай-то срок.

Рассказывай ей сказки,
Но не дари перстней:
Размоют утра краски
Таинственность свечей.

* * *

По снегу белому, босой,
В пресветлый храм...
Морозной ночью,
Пред ликом Матери Святой,
За сына помолюсь и дочку.

Не зная помыслов иных
В своей невысказанной боли,
Прошу словечко о моих
Замолвить Сыну на Престоле.

Две тонких свечки, два ростка,
Любви моей две половинки...
Слеза кропила край платка,
И таяли тревоги льдинки.

* * *

Любовь уходит не прощаясь.
Уходит молча.
Как свеча
растает лужей стеарина,
Огонь души испив до дна.
Осенним холодом повеет,
Души остывшей маета,
Из зазеркалья, равнодушно,
В глаза заглянет пустота...
А мы не сразу замечаем
Сквозь мишуру
привычных дел,

Как краски блёкнут,
Растворяясь
в потоке дней....

Сиротство душ,
приняв за данность,
Спешим мы дальше
полным ходом.

Сиротство душ —
такая малость,
Когда по жизни —
мимоходом.

Любовь не терпит равнодушья -
Она живая!
Проснувшись ночью от удушья,
Ещё взывает!
Застраившей в горле пустоты
Не понимая,

Души осенней маеты
Не принимая,
Уходит.
В наготе
остывшего пространства
Оглянешься,
А дом твой пуст.

Обман всё...

Владимир Бартков

Окончил филологический факультет Магнитогорского государственного университета, работает внештатным корреспондентом газеты «Магнитогорский металл». Выпустил, будучи студентом, сборник стихов «На свете нет чужих костров».

Ночь

Ты медленно готовишься ко сну:
Ты тонешь в грёзах...
Я ласково едва тебя коснусь...
Я — лунный свет...

Ты медная в сиянии моем;
Всё гуще ночь: чем дальше —
тем темней...
Ты думаешь: «Одна...», но мы вдвоем...
Среди теней...

Я — холоден.
Ты — чувственно нежна...
Всё гуще ночь... и края ночи нет...
Сольются наши хрупкие тела
На миг...

Рассвет...

Дмитрий Бобылев

Родился в 1987 году в городе Серове Свердловской области, где и живет. Студент филфака Нижнетагильской социально-педагогической академии. Стихи публиковались в коллективных сборниках, в журналах «Проталина» и «День и Ночь». Выступает в качестве барда на городских и областных площадках. Лауреат 6-го международного фестиваля «Поэтический марафон».

День прошел - его не будет,
Не случится никогда -
Отразился в планах судеб,
Передвинул поезда.

Это облако не станет
Очертанья повторять,
Календарными листьями
Путь не повернется вспять.

Эти звезды нынче ясны,
Скоро - полная луна.
Не просилась в двери сказка -
С новым днем придет она.

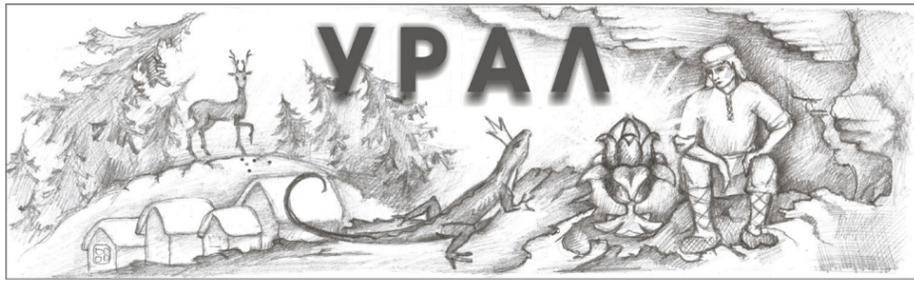

Васюнов Максим

Родился 21 год назад в Нижнем Тагиле. Здесь и живу. Летом 2010 году перешёл на пятый курс факультета журналистики Уральского государственного университета им А.М. Горького. С 2007 года работаю телевизионным журналистом. Сегодня — редактор и ведущий на канале «Телеком» (Нижний Тагил).

Курю до времени дня твоего приезда.
Подружился с шумами вокзала,
С перронами ждущими.
В мёртвом зале неделю снимаю места,
И сижу, и жожу, и курю
С сидящими и идущими.

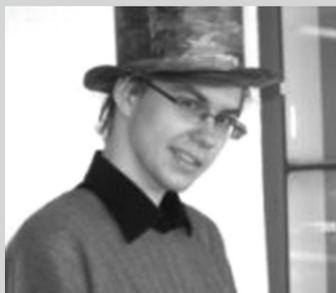
Ты меня не поймёшь, думаю,
Я свою философию задымлю,
Называя тебя подругою,
Замолчу перед словом «люблю».

Курю до мгновения твоего появления.
Разбил фонари на перроне
И лампочки выкрутил,
Наша встреча случится —
и без сомнения, -

Не зря же я столько с сидящими
И идущими выкурил.

Ты меня не узнаешь, думаю,
Я свою физиономию задымлю,
Окликая тебя подругою,
Кину вдогонку «люблю».

Иван Попов

Магнитогорск, 19 лет, студент второго курса МаГУ филологического факультета отделения культурологии, автор книги «Осколок декаданса» (издана в 2008 г.).

Речь далекой звезды к луне

Нет рамы у портрета твоего,
Поскольку холст, я знаю, нескончаем.
Ты вышла в небо. Горсткой воевод
Вокруг немедля тучи затрещали
Летающих объектов языком
Привычным — привилегия крылатых.
Я тоже в небесах, но на другом
Краю. Не дотянуться. Ну и ладно.
Пусть эта ночь — разбухшая душа
Готовой брызнуть ненавистью сливы —
Идет вперед спокойно, не спеша,
Своим путем — как водится, к обрыву.
Светило гасит всякий чуждый свет
Обыденно, не думая о мести,
Нас даже не приметив в большинстве.
Не дотянусь, но гаснуть все же вместе.
Прощай же. Беспощадный небосвод
Не ведает по сброшенным печали.
Нет рамы у портрета твоего,
Поскольку холст, я знаю, нескончаем.
Чадит окурок гаснущей звезды.
Уж близок день, готовящий расплату
Тем, кто дерзнул собою осветить
Мрак ночи, — привилегия крылатых.

Е. Магнитогорцева

Учусь в МаГУ на филфаке, 5 курс, будущий журналист. Публиковалась в газете «Выбираю жизнь», пишу с 2007 года, но всерьёз хочу научиться писать с 2009-го. Поддерживаю символизм и романтизм всех эпох не только в поэзии, но и в живописи. Сторонник синтеза искусств и сторонник живого слова.

А когда-то тут жил пианист —
Под заплаканной крышей смолёной.
Я смотрю на растаявший город
В серых струях под запах земли.

Жёлтой краски следы запеклись,
Гаснут сумерки в узком проёме,
Развеваются бледные шторы,
Ловят ветер в объятья свои.

В этой комнате умер рояль,
Старый друг и покинутый идол.
На разбитые клавиши кинул
Кто-то времени тонкую шаль.

За спиной я слышу шаги,
Но там пусто — и даже обидно.
Под прикрытием шумящего ливня
Осторожно крадётся печаль.

Дмитрий Коротовских

г. Нижний Тагил. Член ассоциации поэтов Урала. Бывший поэт-вокалист рок-группы «Анахарис». Ныне поэт рок-группы «Ледяной Амарант».

Заря

Молодая заря раскатилась
По бескрайней божьей обители,
Отражалась в озёрах, искрилась,
Чтобы все её образ видели.

А цветы, коль умели б кричать,
Завопили бы радостным гласом,
Что зарю вновь пришлось повстречать,
С её благообразным окрасом.

Красной девицей, зоренька милая,
Так нежна и невинна была,
Что взяла её ночь постылая
В плен на время. Заря ждала...

Но недолго она томилась,
И пришло её время гореть.
Молодая заря раскатилась,
Чтоб я смог эту песню допеть.

Ольга Крыгина

Художник по жизни: моя работа - моё хобби и наоборот. Работаю заведующей художественной мастерской в МУ ГТО «Петрокамский культурно-спортивный центр». Занимаюсь декоративным творчеством: роспись по стеклу, керамике, ткани, металлу.

Если режем - то под корень,
Если рубим — то с плеча:
Так бывает только в ссоре,
Глупой ссоре, сгоряча!

Сердце давит от обиды,
Кровь в висках стучит набат —
Никому сейчас не видно,
Кто и в чем здесь виноват.

Только душу рвем на части,
Вал колючих слов скатив,
Пропадает наше счастье,
Место - горю уступив.

Так бывает только в ссоре,
Горькой ссоре, сгоряча —
Все обиды воют в хоре,
Повод для себя ища.

Из пустого сыплет горы
Фраз жестоких, да каких!
Лучше б мостик разговора
Нам построить на двоих.

Пусть над пропастью раздора
Он качается, скрипя.
По нему пойдём мы скоро,
Только вот пройдем — любя!

Злые ветры наговоров
Дуют в спину, ну и что ж —
Все обиды станут сором,
И цена им будет — грош.

Пусть опорой крепкой станет
Нам терпение в пути:
В жизни много испытаний —
Их никак не обойти...

Олег Козлов

Я живу недалеко от Екатеринбурга, в городе Полевском, который описан в сказках П.П.Бажова. Госслужу сисадмином. По образованию - физик, электроник. В душе - пока лирик. По духу - русский и люблю свою Родину, хотя так часто за неё бывает больно и обидно... Надеюсь, верю, жду, что поднимется с колен Святая Русь...

Тебе...

Предрасветной порой
В синий шелест волны
Разукрасит прибой
Судьба.
Робко утренний свет
На холсте тишины
Нарисует портрет —
Тебя.

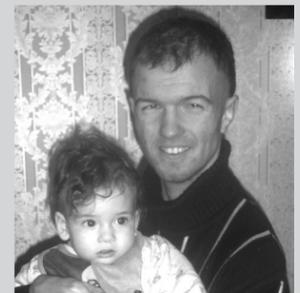
Я хотел бы тебе
Бесконечности след
Подарить в ворожке
Одной.
Не жалея, впитать
Радость будущих лет,
Чтобы вечно мечтать
С тобой.

Я дарю тебе вскрик
Пролетающих звезд,
Отдающих свой блик
Ручью.
Сердца любящий стук,
Ожидание грёз,
Нежность ласковых рук
Пролью.

Я улыбку твою
Превращаю в мечты,
От которых пою
В огне.
Вдруг, очнувшись от дрём,
Ты заметишь цветы,
Что стоят на твоём
Окне.

Я дарю тебе лес
Вместе с пением птиц,
Заколдованных мест
Траву.
Взгляд любимых людей,
Честность искренних лиц
И поддержку друзей
Зову.

В шуме будничных дней
Ты услышишь мотив
Песни лучшей моей
Мечты.
Все, что хочется дать -
Подарил, загрустив...
Я хочу пометать...
А ты?

Конякин Василий

Нижний Тагил, воспитатель МУЗ Детский санаторий психоневрологический № 2 в п. Антоновский,

Храм моей души

Моя семья — мой храм земной,
Моя страна — мой дом родной!
И солнце яркою звездой
Сияет над моей семьёй.

В которой я нашёл покой,
И уют земной!
Желаю людям всем найти простой,
Храм в своей душе такой!

Чтобы светлой полосой
в сердце проходил он,
Но постой!
Был любим в душе родной,
И храним в стране святой!

Екатерина Шемякина

17 лет, школьница, г. Екатеринбург.
Член Международного Союза писателей «Новый Современник», Победитель различных всероссийских и международных конкурсов и фестивалей литературного творчества. Награждена Медалью Всероссийского Творческого объединения «Друзья Бурагино» за достижения в области культуры, искусства и литературы, Золотым Знаком «Звезда Ампары» общественной организации «Звезда Внеземелья».

СКРИПКА

**Богом - свыше - задумана скрипка,
Хоть родилось слово вначале.
От простой и счастливой улыбки
Тихо струны её зазвучали.**

**Мир тоскует – и скрипка льёт слёзы,
Лечит нежно сердечные раны,
И грустит, задавая вопросы,
Переходами с «форте» на «пьяно».**

**Утром ранним и вечером поздним
Скрипка музыкой мир озаряет,
В честь неё зажигаются звёзды,
А она – и горда, и печальна.**

Евгений Иванов

Родился 2 августа 1985 года. Закончил в 2008 году факультет социальной работы в Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Стихи пишу с 2000 года. Помню стихов, нравится фотографировать, читать, кататься на лыжах, вообще путешествовать и другие увлечения.

Мечта

**Хочу встречаться, мечтать, любить,
Да не бояться всего и жить,
Искать удачу в своём пути
И только дальше всегда идти.
Стоять поменьше в одних местах,
Не первым быть, но и не в низах.
Всё, что задумал - осуществить,
Вообще не злиться, других не злить!!!!**

Александр Вернер

г. Серов. Студент филологического факультета социально-педагогической Академии. Участник литобъединений г. Серова и Нижнего Тагила. Регулярно печатается в местных и центральных СМИ.

**А за окошком – небесный чердак,
Рыжая кошка под вытертым кленом.
Низкие звезды – размером с кулак –
В узкие окна мерцают зеленым.
Не открывать на настойчивый стук,
Долго курить над недопитым чаем.
Птицы опять улетели на юг –
Это по ним я, наверно, скачую.**

Сотникова Ия Алексеевна

Библиотекарь, г. Невьянск

Башня- каменная Псалтырь!

**Град заводчиков Демидовых,
Волей сына и отца,
Прихотливо и невиданно
Ты когда-то создался.
От завода- полукружием
Разбежался на простор,
Словно каменное кружево,
Древних улочек узор.**

**Тут, строптивы и покладисты,
Москвичи и туляки
Жили; бороды окладисты,
Кержаки-сибиряки.
Ради службы государственной
Лучший люд мастеровой
Пробрался в глушь уральскую-
Нелюдимый край чужой.**

**Чтоб возжечь в породе каменной,
Победив звериный рык,
Нежный, соболиный, пламенный
Благотатных гор язык!
Верил набожно- не кое-как,
Пестрый каторжный народ:
Европейская диковинка
По-уральски запоёт!**

**Белокрылою лебедушкой
Взмает Башня над прудом,
Купола Собора-солнышка
Отогреют каждый дом.
Пусть красой, а не наживою
Веселится сердца ширь,
Пусть звучит, несокрушимая,
В камне Божия Псалтырь!**

Происшествие на свадьбе (по деревенски).

Было это в деревне нашей, в тот год, когда Иваниха сына женила. Так вот, стало быть, про ту свадьбу сказ и будет. Жили тогда в конце Ключевской улицы дед да бабка Матвеевы, люди оне были ещо не стары, тока на пенсию вышедшие.

Иваниха на свадьбу свою сына, как водится, позвала всех со своей улицы, она вишь тоже на Ключевской жила, тока с другова краю, да и то, какой праздник в деревне, так почитай всей деревней и гуляют, жалко что-ль. Стали собираться к торжеству и Матвеевы. Днем-то дед Матвеев на крыше трубу белил.

Теперя растолкую тебе про Матвеева поболе. Дед-то он дед, а по бабам покуралесить охотник большой был, потому что с войны когда-то цел невредим пришел, да ищо гармоньку губну принес, да так справно на ей играл, это его американин один на радостях победных в конце войны выучил. Мужиков-то немного в деревне осталось, вот все бабы-то и липли к Матвееву, как телки в стаде округ быка ошиваются. А Матвеев и радешенек, ни одну без внимания не оставял, как набегается по бабам, так на гармонике у реки сядет и наигрывает. Матвееха поначалу горланила, а потом посмирела – дом и хозяйство Матвеев держал справно, детей народили, да и любил он свою жену видать. В общем-то жили оне хорошо, душевно.

В то день-от побелил дед Матвеев трубу-то, с крыши спустился, пошел переоделся в порадное на свадьбу иди, глядь, а на крыше ведро с белилами осталось. Ну, думает, залезу ведро спущу. Полез на крышу-то, да ведро давай на веревке с другога краю крыши опускать. А в энто время Матвееха с крыльца вышла, на свадьбу с подарком большим –самовар в коробке, смотрит, лестница стоит, не пройти к воротам, не выйти ей с самоваром-то. Она на крышу-то посмотрела – нет там Матвеева, а про себя думат: «Дед порадное надел, что ему на крышу-то в таком одеянии-то лезть. Старый дурень, верно ушел уже к Иванихе, а лестницу убрать забыл». Взала Матвееха лестницу и положила ее вдоль окон, где она завсегда и лежала, подхватила самовар подарочный и пошла. Идет и ворчит:

«Вот, дурень, нет, чтоб помочь подарок нести, так он вперед убёт».

А тем временем Матвеев ведро-то спустил, через конек крышной перелез, а лестницы-то и нет. «Что за, ёшкин кот, тока что была ведро. А это моя Матвееха верно шутить вздумала, чтоб я наперед её на свадьбу не убег – думает дед., и давай орать - Мать! Лестница где будет, давай её сюда!». Орал, орал, аж осип, а никто ему ни откликнется, все ж соседи на свадьбу ушли. Ну, тут Матвей вспомнил про гармоньку губну, он ведь с ей никогда не расставался, давай наигрывать на ей, думает, кто его услышит.

Матвееха по дороге на свадьбу его гармоньку и услышала. Как она на деда осерчала, вишь, она подумала – дед на гармоньке играет, стало быть опять успел нагуляться, сидит – кайфу ловит, как ноне говорят. Решила Матвееха тож на свадьбе погулять вволю, в отместку деду как бы.

Гости тоже гармоньку услышали, так ведь вся деревня привычку Матвееву знала – только посмеялся народ. Да свадьба своим чередом да пиром пошла. Весело было, Матвееха нагулялась – наплясалась, за молодых порадовалась. В ночи уже гости по-домам расходиться стали.

Матвееха к дому с Матреной-соседкой подходит, слышат, на крыше кто-то хрюкает, бабки спугались, подумали – вор забрался. Побегли оне к Матрене, у ей в доме ружьецо мужнее было, зарядили его солью крупной, стрелять-то у нас все бабы умеют, война научила пропитание добывать в лесах..

Подкрались Матвееха с Матреной к дому, смотрят, на крыше мужик спит, калачиком свернулся на коньке, храпит страшно – с хрюканьем, поспават. Матвееха прицелилась, да и выстрелила мужику в мягко место. Что и говорить, меткая была, попала, в яблочку можна сказать. Матвеев аж подпрыгнул, и с диким ревом с крыши упал в бочку сливную с дождевой водой, что у крыльца стояла. Энта вода видать его в чувство и привела. Матвеев из бочки выскочил, думат – на их хозяйство воры напали, и за ружьемом в дом побег. Выбегает за ворота с ружьем наперевес и орет на всю деревню: «Убью гада, не

Виктория Братусева

Писатель (член Международного Союза писателей «Новый Современник»), мама, ремесленник, руководитель, рыбак (очень люблю рыбалку), путешественник, художник, патриот России, оптимистка. Родилась, живу и работаю в самом центре нашей большой страны - на Урале в городе Екатеринбурге.

трожь мою скотину!». А навстречу ему бегут Матвееха с Матреной с криком: «Ворюга! Не трожь хозяйско добро!» Нос к носу-то и столкнулись. Стоят, горячие, рты пооткрывали, то ли от гнева, то ли от удивления. Первой Матрена очухалась, глянула на парочку, и как давай хототать: «Да ты, Матвееха, свою кобеля никак загубить хотела, ха-ха-ха-ха!!! А ты, Матвеев, думал поди, медведь пришел! Ха-ха-ха-ха! Как оно, мягко место-то, жжётся? Ха-ха-ха!» Тут и народ высыпал на улицу, со свадьбы прибегли все на выстрелы, поначалу шептались, а как Матрена всем рассказала, деревня до утра хохотала над Матвеевыми.

Деда Матвеева конечно подлечили в фершалском пункте, но на супружницу свою он за то происшествие долго дулся – не разговаривал. А тока с тех пор Матвеев на сторону неохочь стал, такой верной сделался, по вечерам своей Матвеехе стал на гармоньке играть.

Верно говорят у нас: было б горько, коли б не было смешно.

Посвящается Михаилу Евдокимову, с благодарностью за любовь к российской деревне.

Использован оригинальный уральский говор.

Братусева ВИКТОРИЯ

«Челюсти-2...3...». Триллер «по Жизни»

Я, господа-товарищи, холостяк убежденный и потомственный.

И отец мой холостяком был.

А про меня он говорил: «Исключение из правил!»

И всё детство меня исключал... (из бюджета), и правил... (ремнем)!

Вот и пошел я ПРЯМО по жизни, зная, что шаг вправо-влево – расстре... простите, семья.

И дошагал, ни разу не «расстрелянный», пока не заметил, что щеки ввалились. Присмотрелся, ба, а зубов-то нет!

Вы не подумайте, что я, мужчина, уж слишком за внешностью слежу... Нет! Но зубы – это лицо джентльмена! Сверкнешь, бывало, белокаменной «стенкой»... И Она – моя! И никакой семьи создать не просит!

Ну, что говорить теперь долго? Побегал к врачу. А он мне:

- Что же вы, батенька, раньше думали? Теперь уже лечить нечего. Идите к протезисту – всю челюсть вставят.

В глазах потемнело, и титры фильма ужасов замелькали: «Челюсть-2»... «Челюсть-2»... И главный Герой, саблезубый старикашка со стальными клыками, забегал за жертвами-женщинами...

Но в жизни по-другому... Протезистом оказалась женщина-«Не проходи мимо!». Вся какая-то надутая... В любимых, дай Бог памяти, местах!

Она успокоила:

- Не переживайте, почтенный! Зубы будут, как новые!

И ходит вокруг нагло так, и наклоняется... И то этим, то тем прислоняется...

«Что ж, - думаю, – совсем за старика принимает? Ну, погоди, зубы вставишь, так я тебя закусаю!»

Долго ли, коротко ли, но, наконец, челюсть воздвигли на «пьедестал»!

- Кто ж это? – воскликнул я в зеркало. – Да это ж я в тридцать лет!

Хотел расцеловать врача, а она мне в зубы – счет за новые зубы!

Человек я бывалый, многое видел, но сознание потерял... От эдакой суммищи!!!

Очнулся, отдал всё накопленное непосильным трудом, и прилепился домой...

К вечеру полегчало, подумал: «Ну, чего скис? Да с такими зубами... Да выгрызу всё в этой жизни!»

Задумалось стало и потянуло что-то для Души найти. Пошел искать на «Вечер кому... довелось дожить!»

Дверь открыл в зал... и все женщины попадали! Кто сказал, что от сквозняка? Нет! От моей лучезарной улыбки!

Но одна не упала. Подошла и так крепко обняла, что у меня в глазах потемнело... И затемнение это до утра длилось... Помню только, что ко мне пошли... Что я кричал:

- Полегче! Полегче!! Полегче!!!

А Она мне:

- Да я ж, твоя Любовь, десять лет ждала... Очнулся утром с мыслью: «Слава Женщине, выжил!»

Осмотрел себя в зеркало – как Сивка укатанный, щеки впали...

Впали щеки? Батюшки! А челюсть-то где? Тут посмотрел, там... Любу разбудил... Искали-искали – нет нигде!

Любаша на меня внимательно посмотрела, затем схватила за руку – и в «Травмпункт»!

Точно! На рентгене, как живые, верхняя и нижняя части со всеми зубами, в желудке!

Доктор посмотрел и «успокоил»:

- Ну, раз вошли – так, значит, и выйдут. Ждите...

Ждем! Люба не бросает, ко мне переехала. Одни, вторые сутки... На третьи свершилось!

Посмотрел я, братцы-сестры, на ЭТО... Подумал: «Обратно в рот?»

И сделал естественное движение... Да не достал, а отправил ВСЁ в путь по трубам...

Любовь моя всё правильно восприняла:

- Ничего, скинемся деньгами и восстановим... Я тебя без зубов не узнаю!

Вдруг шум-гам! Сосед с первого этажа забегал-закричал:

- Умоляю! Ничего не смывайте! У меня затор – ВСЁ ЭТО в квартиру летит!!!

Вызал нашего сантехника. Хороший специалист, его и зовут соответственно – Сан Саныч.

Три часа он бился, полканализации разобрал... И вдруг как заорет на весь подъезд:

- Это какой же враг челюсть не пожалел, шоб мне работу сотворить?

И жертва засора завизжал:

- За всё заплатишь, беззубый!

Я молчу, понятно.

А эти двое всю ночь водку пили и злобу копили...

Любаша утром пошла на работу, но сразу вернулась:

- Ой, не выходи! Два этих «прынца» в дверях подъезда встали, и челюсть ко всем примеряют! «Какой, - говорят, - «Золушке-Дерьмовочке» подойдет, тому эти зубы и вобьем!!!»

Братцы-сестры! Я три дня на работу не ходил... Так жить хотелось!

А Люба бегала к врачу, умоляла по старым следам восстановить челюсть, деньга занимала...

На четвертые сутки я вышел к злодеям.

Павел Отставнов

Живу в г. Пермь, работаю заместителем директора научно-производственной фирмы. Пишу с детства, написано много рассказов, роман, повести, пьесы... Публиковался с юмористическими рассказами в газетах Пермь, Москва и в газете «Народы Кавказа». Член Международного союза писателей «Новый Современник». Золотой лауреат Международного конкурса «Золотое перо Руси-2008», номинация «Юмор».

Сан Саныч мне с издевкой:

- А не твои ли это бивни? Что-то размерчик близок!

Но я, своими «Челюстями-3», своей голливудской улыбкой, отмел все их инсинуации!

С горя сантехник и залитый сосед опять напились и дали понохать челюсть Саньичеву волкодаву. И команду дали:

- Найди и загрызи!

А чудовище, зверь этот баскервильский, понохал и... набросился на обоих! От них же, профессионально, всем тем, чем челюсть пропиталась, несло за версту! Ох, насили спасли бедолаг!

А я от радости, что не меня грызли, махнул:

- Люба, а давай всегда вместе?

- Давай! – закричала радостно она. – И мои детишки тоже согласны...

Вот так я и стал, на старости лет, главой семейства из... пяти человек!

С Любашаю хорошо... но бурно! Как она за день наскучается, как домой прилетит, так у меня всё трястись начинает... Даже челюсть в стакане!

Я уж и бегать трусцой начал, чтоб соответствовать всё возрастающим потребностям... Бегать за «Виагрой»!

Но Любаша успокаивает:

- Не трясься, Щелкунчик, я верна до гроба! И это знали прежних мужа оба!

Мама родная!

Но ничего... в этом году юбилей справили, под девизами:

«Любе сорок пять – Люба ягодка опять!»; «Папе – пятьдесят пять – с новой челюстью опять!»

Эх, вот так и иду... с челюстью по жизни!

ЯРОСТЬ

(Отрывок из романа)
Александра Колин

Александр Колин, по мужу Вигнерон, весной исполнилось пятьдесят три. Ее уже не радовали комплименты, что, мол, ей никак не дать больше сорока с хвостиком. А раньше она шла, и мужские глаза сверкали, отражая свое восхищение. Гордость сбивала их шаг при виде такой красоты. Красота Александры была не банальной, она была неожиданной, не подлежащей описанию парой штрихов, лаконичным наброском слов. Утром светлые тона ее удивительных глаз вырывались на свободу, к вечеру доминировала более темная и загадочная окраска. Белое лицо с едва заметным, деликатным матовым глянцем, волосы – черные и густые, подобно крыльям ворона ложась на плечи... и вот, постепенно в них тонко засверкало серебро. Тело осталось стройным и собранным, но как-то высохло. Отсутствие подкожного жира по длинным, как зимняя ночь, ногам подчеркивало усталость, которую не прятала даже пошитые по заказу брюки и длинные прямые юбки. Александра все еще пользовалась косметикой, но только по привычке, из-за приятной нежности мягких кремов, ухаживающих за кожей ее лица.

К огромному разочарованию своих многочисленных поклонников, после развода она решила, что мужчины уже не имеют значения в ее жизни. Александра осознала, что их место целиком занято Бертраном, ее сыном. С течением времени ощущение усиливалось.

После похорон сына, вероятно из-за распадающегося брака, уж так получилось, что мыслями она не успевала быть каждый день с ним. Чопорные военные ритуалы, досадные почести помешали ей полностью принять потерю. Материнская скорбь еще не созрела, чтобы опасть, но присутствовала...

Никто, даже супруг не мог понять её. Для него Бертран погиб героической смертью молодого, но храброго офицера. Разве так мог вести себя отец? Где в ее муже теплилось отцовское чувство? Разве не он поставил их ребенка на этот путь? Вигнерон-старший держался достойно, как ему «велел долг», но под чьей-то его мундира потерялся отец!

О, она все понимала! Действительно, понимала, что такое честь, осознавала риски профессии. И, именно поэтому не желала сыну военного поприща! Но кто ее спрашивал? Мнение жены, тревоги матери оседали в ее личном дневнике выцветающими чернильными строчками.

Традиция веков фамилии Вигнерон нуждалась в продолжении. Александра уважала ту преемственность, которая происходит естественно, не граничит с приказами и постоянным давлением однообразных внушений. В роду ее подруги разводили породистых лошадей, причем начало было положено еще два столетия назад. Но породистые красавцы являлись хобби, гордостью, занятием, символом и источником доходов семьи. Разве можно было сравнивать такую традицию с будущим единственным сыном! Неужели она родила своего мальчика только для того, чтобы поставить его в очередь, в цепь родовых обычаев, плотно прошитых предрассудками и косностью... А то, что она отдала двадцать лет своей жизни, жертвуя собственной карьерой, ради Бертрана? Сын вырос здоровым и умным, но это же само собой разумеется, так должно быть, не правда ли?

Муж успел вбить в голову ребенка ценности военной касты. Передал ему мечту служить Родине. Пока это были только слова и чувства, она не сопротивлялась. Однако, когда они вылились в намерение, давно внушенное и неустанно подогреваемое супругом поступить в военную академию, Александра отреагировала остро. С болью поняла, что опоздала. Юноша хотел, в самом деле, хотел следовать стопам своих «великих» предков. И его не тронули материнские увещания!

В качестве неопровержимого довода Бертран бросил на весы убеждения безработицы, бич которой коснулся всего молодого поколения. Армия же давала гарантии за десятилетний контракт. Сын выказал уверенность, что отец постарается помочь ему избежать горячих точек планеты. Убедили. Вернее, Александра сделала вид, что согласилась.

Военная униформа раскрыла перед ней словно незнакомца, хорошего собой, стройного и сильного молодого мужчину. Красивого, несмотря на попытки напускной строгости, ее мальчика! Ямочки на щеках при улыбке по-прежнему вызвали слабость в ее ногах. Напомнили мгновения детства, прилежно собранные на надежное хранение в фотоальбомы, и в потайное женское одиночество. Дисциплина, которая с трудом давалась его сверстникам, сыну была нипочем. Отец еще сызмальства привил ему это основное качество солдата. Да и Александре пришлось по душе цивильная специальность, дающая недурные перспективы на будущее после армии.

Однако, будущее... Будущего, оказалось, быть не дано!

Когда появились вести об отправке батальона в Косово, она надоела супругу до тех пор, пока муж не вмешался, чтобы мальчик не

Димитър Стоянов и Христина Панджаридис

Болгарские прозаики, живущие во Франции. 13 июля 2011 года в Болгарии вышел их роман «Ярость».

Роман переведен на русский язык. Димитър и Христина **подыскивают издательство** для выпуска их романа «Ярость» в России.

был туда направлен. Малыш взбунтовался, но огрызнулся и ерничал напрасно. Но все-таки добился, побывал в том диком краю пару месяцев, и только после того, как она твердо разузнала, что опасность почти прошла. Достойный фамилии Вигнерон, сын успел ввязаться в заваруху и получил нештучное ранение. Александра в гневе пообещала повесить сыну орден за храбрость на ухо, а то и пришить на лоб. Лучезарная сыновья улыбка отменила декорацию ушей господина молодого офицера. Его отец поклялся перед женой: «Балканская миссия будет сыну последней. В самой Франции достаточно дислоцированных частей для прохождения службы!»

После поступления Бертрана в академию, у Александры появилась возможность обратиться к запущенной исследовательской работе в области медицины. Ранее, ради забот о ребенке, научную карьеру пришлось просто поставить в кавычки. Она, чтобы наверстать упущенное, учила, восстанавливая позабытые знания по много часов в сутки. Но коллеги ушли далеко вперед, привыкли к определенному темпу. Догнать их оказалось невозможным. Годы формальной принадлежности к науке, годы декретного отпуска привели ее к скромному посту заведующей медицинской службой небольшого НИИ. Работа требовала аккуратности и дисциплины, качества, про которые все знали, что она ими обладает. Коллеги Александру приняли, демонстрировали симпатию, но и лобавались ее. Она ввела строго соблюдаемые правила и протоколы, воюя за идеальную охрану труда и минимизацию рисков. После инцидентов в подобных иностранных лабораториях требования такого рода стали главным фактором.

Как человек, Александра поддерживала военное вмешательство в Афганистане. Она понимала, что международная общественность не должна бросать афганский народ на произвол судьбы – в руки талибам. Но она же знала, кто и зачем выпестовал этих боевиков. Ранее она попыталась расшевелить высокопоставленного мужа, чтобы тот оппонировал политике заигрывания с такими людьми. Муж и сам понимал, что война у моджахедов идет не только с русскими, что рано или поздно они непременно повернут оружие против Запада. Но ситуацией командовали из США, предупреждения европейцев уходило впустую, словно эхо в пустыне.

Как мать, Александра и слышать не хотела, не принимала, не соглашалась с отправкой детей в пекло против фанатиков, годами вооружаемых, тренируемых и коррумпированных западными демократиями. Бертрану про тот регион мира она даже и заикнуться не позволяла. И в этом, скорее всего, состоялась ее ошибка! Она недооценила мотивацию, с которой сын вырос, она верила, что он не дерзнет огорчать ее. Дерзнул. Пошел добровольно на миссию... При этом Бертран провел вокруг носа и отца. Когда они это узнали, сын уже сражался в горах Афганистана.

Александра заболела буквально физически! Не спала сутками! Бессонница стала ее единственным макияжем. Она не могла понять спокойствие господина супруга. Да, Бертрану уже двадцать девять лет, но он остается ее мальчиком! Александра следила за всеми новостями. Звонила каждый день в министерство от имени мужа. Тот, узнав это, устроил скандал, кричал, но она продолжала звонить. Информация о сыне означала надежду и возможность дышать.

В обширных репортажах журналистов она увидела, как живут солдаты, каковы их будни. Не разбираясь в военных тактиках и стратегиях, она вступила в острый спор с генералом Вигнероном из-за отсутствия элементарной техники наблюдения. Почему день за днем армейцы должны зачищать одни и те же участки? После их отхода обратно на базы талибы преспокойно ставили новые взрывные западни!

– Вебкамера, которую ты купил в прошлом месяце за тридцать два евро, имеет собственное питание и передает сигнал по радио до пятидесяти метров, так?

– Да, зачем ты спрашиваешь?

– Полагаю, что существуют и более компактные, более незаметные модели с большим диапазоном?

– Конечно же, существуют! Ты же сама разыскала описание в интернете. К чему твой вопрос?

– Да, есть камеры размером с бутылочную пробку, передают цветное изображение даже ночью. При отсутствии массивных препятствий транслируют видеозаписи на километры.

– Зачем ты отнимаешь мне время своими глуп...

– Ничего я у тебя не отнимаю. Пытаюсь вникнуть в загадку, почему вы не пользуетесь такими камерами, спрятанными среди камней?

Разве эти штучки дороже жизни наших детей?

– Солдаты не дети, перестань! Они обучены и умеют действовать в экстремальных условиях! И знают толк в этом своем ремесле! Профессия у них такая!

– Знают они! Умеют! Умеют гибнуть, разорванные на части американскими и французскими минами, поставленными на тропинке, которую проверяли буквально вчера или несколько часов назад!

– Александра, какого черта ты вмешиваешься в вещи, которые не твоего ума дело? Есть люди, которые отвечают за логистику! Есть целый отдел, который занимается такого рода наблюдениями...

– И что они там наблюдают, что? Спутниковые фотографии? Не смейся! Совершенно непонятно по этим снимкам: кто и что ставит на дороге! Талибы не носят мундиров! Как их различать среди мирных жителей? Там все днем улыбаются угодунически, но потом достают автоматы и стреляют нашим мальчишкам в спину, убивают как цыплят!

– Прошу тебя, прекрати! Ты... преувеличиваешь!

– Я? Да, может быть, преувеличиваю. Но вы их учили воевать иначе, армия на армию! А там... там не такая война! Неужели ты слеп? Нет фронтов! Нет явного противника! Есть внезапные налеты в спину.

– Продолжай в том же духе, и мы поссоримся, будь уверена! – тон Вигнерона стал угрожающим.

– Хорошо, перестану. Только, прошу тебя, растолкуй, объясни мне еще одну вещь, пожалуйста! И я тут же перестану... Полиция, по крайней мере, в кинофильмах использует тесты на взрывчатые вещества, чтобы установить, кто стрелял в последние сорок восемь часов, так ведь? Почему бы там не оснастить наших мальчишек подобными детекторами? Тогда те, кто рассыпается в любезностях, не станут стрелять вслед нашим солдатам несколько минут спустя. Сколь бы не был дорог этот тест, он не ценнее жизни наших детей!

– Ерунда! Много фильмов смотришь, дорогая. Я тебе уже сказал, есть люди, которые занимаются всякими подробностями! – С этими словами Вигнерон покинул помещение.

На следующий день, в пятницу, Бертрана застрелили в спину с тридцати метров. Живущая близ места гибели патруля афганская семья, мимо чьего дома солдаты проходили каждый день, бесследно исчезла.

Боль извергалась на Александру водопадом. Она стонала и выла в отчаянии. Попыталась утопить безмерное горе в спиртном, рассчитывая, что острота боли притупится. Попытка не удалась. Вставая с постели, она наливала себе стакан виски. Но, поднимая его к губам, неведомо как на дне появились глаза сына... и она не успевала зажмуриться. Как выпить их... Отталкивала стакан, боясь его даже вылить в раковину или разбить об стену. Если вылить, если разбить – там же глаза ее мальчика, что станет с ними... Алкоголь выпал из обоймы средства спасения от слез, тщетных прощаний и неизлечимых ран. Гнев накапливался, ложился пластинами день за днем, покрывая толстыми черными слоями ее душу. Она не сопротивлялась, пока интуиция медика не распознала адреналиновый коллапс. Удерживала в себе эту ярость. Нужно было продолжать жить. Но она все чаще вопрошала себя – а надо ли, в самом деле? Обязательно ли это условие?

Пережить собственного ребенка – это же ненормально, неестественно! Мать заботится и бережет, она не создана расставаться при жизни с любовью, выросшей под ее сердцем. Хороша ребенка, родитель прощается с будущим, с ожиданиями, с надеждой. И при этом собственный его отец подготовил и отправил своего сына на раннюю смерть...

Александра проводила много времени с матерями погибших солдат, это давало некоторое облегчение. Через несколько месяцев после ее развода с мужем его досрочно комиссовали. Она узнала, что бывший муж наговорил лишнего самому высшему начальству – задал как раз те вопросы, которые перед ней называл «ерундой». Но Александра не смогла ему простить, даже осознав его бессилие и запоздалые действия. Бывший супруг был просто малой деталью огромной и жуткой карусели.

Спустя еще несколько месяцев, попав в переделанную в обитаемый дом старую фабрику, она начала полностью понимать механизмы происходящего – и присоединилась к подготовке перемены режима вращения карусели.

Перевод с болгарского Николая ХРИСТОВА

Поздравляем С Днем Рождения!

2 февраля у нашего замечательного автора, поэта, прозаика, балерины и красивой женщины – Светланы Даниэль Дион – День Рождения.

Дорогая Светлана!

Примите наши самые искренние поздравления с пожеланиями творческих успехов, добра и счастья! Желаем Вам здоровья, праздничного настроения, исполнения всех заветных желаний.

Сотрудничество и общение с Вами доставляет искреннее удовольствие, т.к. ответственность и доброжелательность – замечательные черты Вашего характера.

Редакционный совет международной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент»

ЗАЛОЖНИЦА

Мне кажется, у жизни я в заложниках, И, временем захваченная в плен, Судьбу кромсаю беспощадно ножницами, Не доверяя «книге перемен»,

Пишу сценарий будущих событий, Перепахивая «завтра» – во «вчера», Как будто бы невидимые нити Сплетаются на небе в кружева.

Ее Величество, Судьба пятой ступает И в тучи превращает облака, И то, что я загадывала в мае, Не сбудется уже наверняка...

А я, смешав все краски на палитре, Водила кистью контуры мечты! Надежды – измеряются на литры? Или на метры снежной красоты?

Заложница, невольница, рабыня? Послушница чудных монастырей, Без окон, алтарей, и где богини Гадают на любовь земных царей?

И под плитой земного притяженья В сандалиях, в туфлях на каблучках, Душа – заложница, скитаясь в заблужденье, Летает между строками в стихах.

Светлана ДИОН

Детская страница

**Трамвайный парк,
или ученик Деда Мороза
(в сокращении)**

Этот Новый год Димка решил встретить с дедушкой. Дедушка работал сторожем в трамвайном парке, и ему выпало дежурить именно в новогоднюю ночь!

И Димка, несмотря на мамины уговоры, под вечер собрался и пошёл с дедом. Дома остались мама, папа и чудесный старший брат Серёжа. Но не бросать же дедушку в Новый год одного?!

Ночью в трамвайном парке было особенно тихо. Снег валил крупными хлопьями, мерцал в свете фонаря. Спящие трамваи, засыпанные снегом, казались притихшими динозаврами. А у забора росла огромная, до неба, ель.

Вскоре снег кончился. Дед ненадолго выключил фонарь, и Димка увидел близко-близко чёрное небо с сияющими светлячками звёзд.

Они сидели в дедушкиной каморке. В старом чайнике с треснувшей ручкой уже заваривался чай...

Вдруг в этой сказочной трамвайной тишине тренькнул звонок. Дедушка накинул на плечо тулуп и пошёл к воротам.

Димка прилип к окну. За забором стоял смешной долговзый парень. Дед пригласил его в каморку, и он, пригнувшись, зашёл внутрь, в тепло.

Он был в кедах, рваных джинсах, а на голове косички смешные разноцветные, как у африканского аборигена.

- Что ж ты, мил человек, не дома в такой день? – спросил дед.

- Да и вы-то ведь тоже не дома! – улыбнулся парень.

Димка налил ему чаю в дедовую большую кружку, и он с удовольствием стал греть об неё длинные озябшие пальцы.

Дед не стал его расспрашивать. Пошутил только:

- Вот, Димка, и Дед Мороз тебе!

- Я... я, знаете ли, не вполне Дед Мороз, - вдруг смутился парень. – Я только ученик.

- Какой ученик? – не понял дедушка.

- Ну, ученик Деда Мороза. Студент...

- Ага, студент! – хмыкнул дедушка. – Двоечник, наверное!

- Не отличник, это точно, - вздохнул парень.

- А можешь тогда показать что-нибудь? Волшебное? – попросил Димка.

- Попробовать можно, - неуверенно кивнул Студент. - Давай-ка вместе: раз, два, три...

И Димка с удовольствием заорал:

- Раз, два, три, ёлочка – гори!

И вдруг... На огромной ели вспыхнули цветные огни. Они мигали прямо на заснеженных еловых лапах, перебежали с ветки на ветку – голубые, рыжие, красные!

- Получилось! – обрадовался Студент, - а вы говорите – двоечник!

Дедушка испугался:

- Ты это, парень, с электричеством-то не шути!

- Разве похоже на электричество? – засмеялся Студент. – Огни настоящие, волшебные, высшего качества!

Дед недоверчиво смотрел на ёлку.

А Студент вдруг достал из рукава мандарин и протянул Димке. А из другого рукава полетело разноцветное конфетти...

- Так ты, мил человек, видать, из цирка? Фокусник? – догадался дедушка.

- Точно, из цирка! – обрадовался Студент. И тут же встал на голову, болтая кедами.

И начался праздник! Студент жонглировал мандаринами, пускал фейерверк прямо из ладоней! Димка пел, вернее, орал - такое уж у Димки пение; и ходил колесом прямо по снегу...

Дедушка всё смеялся, а потом вдруг опомнился:

- Телевизор-то включить! Новый год прошляпили!

- Не надо телевизора, - улыбнулся Студент. И у него на раскрытой ладони оказался крошечный приёмник. В нём зашипело, послышалось пение на чужом языке. И вдруг – куранты!

- Желание, Димыч, желание не забудь загадать! – зашептал дедушка.

А у Димки, как назло, все желания из головы выскочили. Голова стала пустая-пустая, как воздушный шар. И на последнем, двенадцатом ударе через эту пустоту проскочила одна единственная мысль:

«Чтобы мы всегда были вместе: я, Серёжа, мама, папа, дедушка... Всегда-всегда вместе...»

Дедушка крепко обнял внука:

- С Новым годом, Димушка, с новым счастьем!

А у Димки почему-то глаза и даже щёки были мокрые...

- Ура, с Новым годом! Скорее за подарками! – и Студент первым побежал к ёлке.

Там обнаружился небольшой помятый рюкзачок, обвешанный значками.

- Это мой мешок; доставайте! – и Студент протянул рюкзак сначала дедушке.

Дедушка вытащил курительную трубку цвета тёмной вишни и пачку табаку.

- Это как же... Этого и быть-то не может, я же вроде и не говорил никому! – дедушка был и растерян, и счастлив. А Димка сразу вспомнил старую фотографию прадеда, дедушкиного отца. Он сидел в большом кресле, с трубкой в руке...

- Теперь ты, капитан! – и Димка сунул руку в рюкзак.

Он вытащил небольшой игрушечный трамвайчик. Удивился – почему вдруг такой детский подарок?

- А ты загляни в окошко! – посоветовал Студент.

Окошко было замёрзшее, всё в инее. Димка отогрел его большим пальцем и заглянул внутрь.

В трамвае сидел брат Серёжа и играл почему-то на кларнете.

- Откуда там Серёжа? – удивился Димка.

- Не знаю, это теперь твой подарок!

Димка заглянул в другое окошко. И увидел рыцаря в доспехах.

Начиненный шлем рыцаря снял и держал под мышкой. Рядом сидела Димкина мама в синем платье. Они с рыцарем играли в шахматы...

Димка засмеялся.

А Студент уже тащил их за собой:

- Кататься! – и щёлкнул пальцами.

И тут один трамвай ожил! Это был самый старый и ржавый трамвай в парке, настоящий металлолом. Но мигнули фары, и в вагоне включился свет... Трамвай звякнул и тронулся с места, раскрыв двери перед самым Димкиным носом.

Нина ДАШЕВСКАЯ

Снежинка цвета хрустальной мечты

В канун Нового года у матери Метелицы родилась снежинка цвета хрустальной мечты.

«Разве у мечты есть цвет?» – спросите вы.

А разве нет, ведь у каждого ребёнка есть большая голубая или розовая мечта. Есть мечты и поменьше, разных цветов и оттенков. Они могут быть оранжевыми, как апельсины, которые раздают под Новый год; коричневыми, как шоколад, который приносит бабушка; рыжими, как котёнок, которого безумно хочется получить ко дню рождения; красными, как самокат, на котором гоняет по двору мальчик-сосед и ещё, ещё, ещё... Но самая заветная – это хрустальная мечта. Она похожа на серебряную льдинку с тончайшими узорами. Ей нужна забота и особое отношение, иначе хрустальная мечта, как льдинка, может просто разбиться. Бывает, что такая мечта долгие годы окрашена цветом холодного серебра. Но приходит день, когда на неё попадает лучик солнечного света, и мечта становится золотой, а значит – обязательно сбывается. Но никто не знает, что этот солнечный лучик ловят серебряные снежинки или дождинки, а потом приносят тем, кто хранит свою хрустальную мечту и верит в доброе, светлое и прекрасное. У матери Метелицы родилась именно такая снежинка, которая могла поймать лучик солнечного света.

Снежинка цвета хрустальной мечты была не похожа на своих сестричек белых снежинок, которые целыми днями летали наперегонки, водили хоромы и резвились с молодыми ветрами. Необычную снежинку белые сестрички не звали играть. Может, завидовали её тонкой красоте, а может просто боялись нечаянно повредить свою хрупкую сестрицу, кружась в снежном вихре. Снежинка цвета хрустальной мечты часто сидела у окошка и смотрела на землю. Ей очень нравилось наблюдать за детьми, которые играли в снежки, лепили снеговиков, катались на коньках или санках. Снежинка видела их разноцветные мечты и радовалась, что все они сбудутся в новогоднюю ночь. Мечты были самых разных цветов и оттенков, но почему-то среди них не было хрустальной мечты.

«Как печально, – думала снежинка, – ведь я бы могла поймать лучик солнца, отнести его на землю и подарить кому-то чудо».

Проходили часы и дни. До прихода Нового года оставалось совсем немного времени, и белые снежинки засобирались на землю, чтоб украсить её светлым праздничным покрывалом, принарядить в снежные шубы кусты и деревья, надвинуть снежные шапки на крыши домов и машин. Хрустальная снежинка решила отправиться вместе с сестричками, но мама Метелица её остановила.

– Если ты улетишь со всеми, – сказала она снежинке, – то не сможешь поймать лучик солнца, а значит, пропадёт твоя волшебная сила. Но ведь там, на земле тебя кто-то очень ждёт, лелея свою хрустальную мечту. Только ты должна найти того, кому сможешь подарить маленькое чудо.

– Я долго искала, – ответила снежинка, – и видела разные разноцветные мечты, но хрустальной среди них не было. Может, хрустальные мечты теперь не нужны детям?

Мама Метелица нежно улыбнулась.

– Хрустальные мечты есть у всех детей, только у многих они спрятаны очень глубоко и о них даже забывают. Вот потому ты их и не можешь видеть. Но есть дети, у которых хрустальная мечта одна единственная, и им очень-очень нужна твоя помощь. Не торопись, я думаю, что скоро ты найдёшь того, кто тебя ждёт и надеется на чудо. Вот тогда ты сможешь поймать лучик солнца и отправиться на землю вслед за своими сестричками.

Снежинке очень хотелось очутиться на земле ещё до прихода Нового года и увидеть волшебный новогодний праздник. Но её ждала чья-то хрустальная мечта, и эту мечту надо было обязательно найти. Проводя сестричек, снежинка снова села у окна и начала смотреть на землю. Разноцветные мечты так и пронеслись перед глазами вместе с детскими криками, смехом, весёлыми разговорами о предстоящем празднике. И вдруг снежинка увидела девочку в блеклой розовой шапочке и, не по размеру, больших жёлтых ботинках. Она одиноко стояла возле высокого забора и, вцепившись руками в прутья, кого-то высматривала в уличной толпе. Малышка была настолько погружена в свои мысли, что снежинка поначалу не смогла разглядеть, какого цвета у неё мечта. Ей даже показалось, что у девочки вообще нет мечты. Но вдруг снежинка почувствовала какое-то необычное притяжение к одинокой девочке и ощутила, что наполняется солнечным светом.

– Вот ты и поймала свой солнечный лучик, – сказала мама Метелица. – Теперь можешь отправляться на землю, там тебя уже ждут. Мне жаль с тобой расставаться, снежинка хрустальной мечты, но ты выросла, и тебе пора в дорогу.

Снежинка обняла маму Метелицу и отправилась с попутным ветром вслед за своими сестричками.

Девочка в блеклой розовой шапочке и больших жёлтых ботинках одиноко стояла возле забора. Малышка жила в большом старом доме с крыльцом, который виднелся в глубине двора. В одном из окон уже замигали огоньки новогодней ёлки. Но даже они не смогли оторвать озябшие ручонки от стальных прутьев, а глаза от уличной толпы. Несколько раз из дверей дома выходили взрослые, ведя за руку детей. Они проходили мимо девочки и исчезали за воротами. Девочка даже не смотрела в их сторону, чтобы сдержать слезы.

– Счастливого Нового года, – сказал кто-то из прохожих.

– Беги в дом, Снегурочка, там тепло и подарки под ёлкой.

Девочка только кивнула и отвернулась, чтоб не расплакаться. Малышка мечтала, чтоб под Новый год случилось чудо, и она смогла уйти на праздник в большой светлый дом с мамой и папой. И навсегда там остаться. У неё никогда не было своего дома, а был Дом ребёнка... Вначале в детском доме ей все нравилось. Её все любили, особенно воспитательница, которую дети называли мама Надя. Со временем девочка начала замечать, что в детский дом время от времени приходят чужие дяди и тёти и увозят деток на выходные, а потом и вообще забирают с собой. Она поняла, что кроме мамы Нади есть ещё другие мамы и даже папы, которые ищут и находят своих детей. Девочка так хотела, чтоб её тоже нашли, и всегда старалась нравиться «папам» и «мамам», которые приходили искать своих детей. Она громче всех читала стишки, охотно общалась, но когда начинала, прихрамывая бегать и танцевать, «папы» и «мамы» почему-то переставали обращать на неё внимание. Малышка росла смыслёной, весёлой, подвижной, но от рождения слегка прихрамывала на правую ножку.

Однажды девочка проплакала целую ночь, когда её лучшую подругу увезли на красивой серебристой машине. Она очень просила и её взять с собой, но мама Надя лишь виновато посмотрела и закрыла входную дверь. Наверное, тогда девочка поняла, что у неё может никогда не быть папы с мамой. Она несколько дней не выходила из комнаты, а потом стала часами простаивать у забора и смотреть на улицу. Малышка надеялась, что «мама» должна обязательно пройти возле забора, увидеть и узнать её. Она даже надела большие желтые ботинки, которые были всем велики, и очень походили на клоунские, чтоб привлечь к себе внимание. Ведь на клоунов все обращают внимание, и все их любят.

Кажется, солнечным днём в конце осени возле девочки, которая стояла у забора, остановилась женщина с грустными глазами. Её сопровождала большая лохматая собака.

– Ты клоунесса? – спросила женщина. – Только клоунессы носят такие яркие большие ботинки.

– Нет, я просто девочка, но мне очень нравятся клоунессы потому, что все их любят.

Женщина с любопытством посмотрела на девочку.

– А можно я поглажу вашу собаку, - спросила малышка, – она меня не укусит?

– Нет, не укусит, она очень добрая и зовут её Агата.

– Здравствуй, Агата, – сказала девочка и, просунув маленькую ручонку сквозь прутья, погладила собаку. А та от удовольствия завилала хвостом и лизнула девочке руку.

– Ты ей понравилась, – сказала женщина. – А как тебя зовут и сколько тебе лет?

– Я – Лиза. Мне уже пять лет и немного месяцев, но я точно не помню, сколько.

– Вот и моей дочке столько же могло быть, - задумчиво сказала женщина и уронила взгляд на землю.

– А почему вы не взяли её на прогулку? – спросила малышка.

– Я потеряла мою девочку несколько лет назад, потеряла навсегда. Она была ещё совсем маленькой.

Женщина отвернулась, чтоб утратить от малышки непрощенную слезу. Уловив настроение хозяйки, собака прижалась к её ноге и затихла. Вдруг женщина почувствовала прикосновение к своей руке. Она увидела маленькую ладошку, которая сквозь прутья протянулась к ней, пыталась погладить.

– Вы не переживайте, – сказала девочка, – вам просто нужно поискать свою дочку. Меня мама тоже потеряла и никак не может найти, но я знаю, она обязательно меня найдёт. А может ваша дочка живёт у нас, вы приходите и посмотрите. У нас много девочек.

– Спасибо, ты очень добрая, – сказала женщина, – я была рада с тобой познакомиться. Я здесь иногда гуляю с Агатой и, думаю, мы ещё встретимся.

Собака в знак согласия дружелюбно вильнула хвостом.

После этой встречи девочку, как магнитом, тянуло к забору. А если гулять не разрешали, она убегала тайком или простаивала часами у окна в гостиной, откуда был виден забор и улица.

И вот наступил день, когда женщина пришла снова. На этот раз она была без собаки, но с большой шоколадкой, на которой лежал маленький пушистый зайка.

– Это тебе, – протянула она подарки девочке.

– Спасибо, – ответила малышка, – я знала, что вы придёте, и ждала вас. А где Агата, почему она не пришла? Или вы её тоже потеряли?

– Нет, сегодня она дома, потому что у меня есть важное дело, – сказала женщина. – С Агатой вы ещё увидите, и, думаю, скоро. А сейчас я хочу поговорить с вашей мамой Надей. Ты меня проведёшь?

В этот день пошёл первый снег, извещая скорое приближение Нового года...

Девочка в блеклой розовой шапочке и больших жёлтых ботинках одиноко стояла возле забора. Она ждала. Прошло очень много дней – целых две недели, но женщина больше не приходила. Девочка отпустила прутья, сжала ладошки в кулачки, закрыла глаза и повторила как заклинание: «Приди! Приди! Приди!» Но ничего не произошло.

Стоять было зябко. Большие жёлтые ботинки заскользили по ледяной дорожке в направлении крыльца.

Шёл снег. Малышка подняла голову и посмотрела на небо. И вдруг увидела удивительную снежинку, которая была наполнена золотистым светом. Она подставила руку, и снежинка плавно опустилась на ладошку.

«Какая красивая, похожа на волшебную снежинку, – подумала девочка. – А, может, она умеет исполнять желания».

Малышка закрыла ладошку и снова прошептала: «Приди. Приди. Приди».

Она почувствовала в ладошке тепло, и маленькая янтарная капля выкатилась сквозь пальцы и упала на землю. Девочка проводила её взглядом и увидела, как возле ворот остановилась женщина, а следом подошёл мужчина с большой лохматой собакой на поводке.

– Спасибо, снежинка, – прошептала девочка и бросилась навстречу женщине.

Женщина обняла девочку, и они обе заплакали.

– А я знала, знала, что ты придёшь именно сегодня. Я ждала, я мечтала... Я, я, я... – всхлипывала девочка, утопая в тёплых объятиях

– Извини, что я тебя так долго искала, – сказала женщина.

– Мы так долго искали, – сказал мужчина с собакой на поводке.

Он улыбнулся и посмотрел на собаку:

– Правда, Агата?

Собака дружелюбно завилала хвостом.

А через день наступил Новый год.

Елена ЯХНЕНКО (Бельгия)